

Хроники
Некрономикона

Мистические рисунки Ивана Иванова

Говард Филлипс Лавкрафт
**ШЕПЧУЩИЙ
ВО ТЬМЕ**

ФИНАЛЬНЫЙ ТОМ СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ «КОРОЛЯ УЖАСОВ»

Хроники Некрономикона

Говард Лавкрафт
Шепчущий во тьме

«Феникс»

1920–1940

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31

Лавкрафт Г. Ф.

Шепчущий во тьме / Г. Ф. Лавкрафт — «Феникс», 1920–1940 — (Хроники Некрономикона)

ISBN 978-5-222-40795-0

В заключительный том полного собрания сочинений Говарда Филлипса Лавкрафта вошли знаменитые повести «Шепчущий во тьме» и «Мгла над Иннсмутом», а также подборка рассказов во главе с культовым «Дагоном». Бессмертные произведения «отца литературы ужасов» представлены в лучших переводах и обрамлены неподражаемыми рисунками Ивана Иванова.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31

ISBN 978-5-222-40795-0

© Лавкрафт Г. Ф., 1920–1940
© Феникс, 1920–1940

Содержание

Шепчущий во тьме	7
Мгла над Иннсмутом	52
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Говард Филлипс Лавкрафт

Шепчущий во тьме

Перевод

Олега Алякринского, Вадима Эрлихмана,

Григория Шокина, Дениса Попова

Иллюстрации Ивана Иванова

© Оформление: ООО «Феникс», 2023

© Иллюстрации: Иванов И., 2023

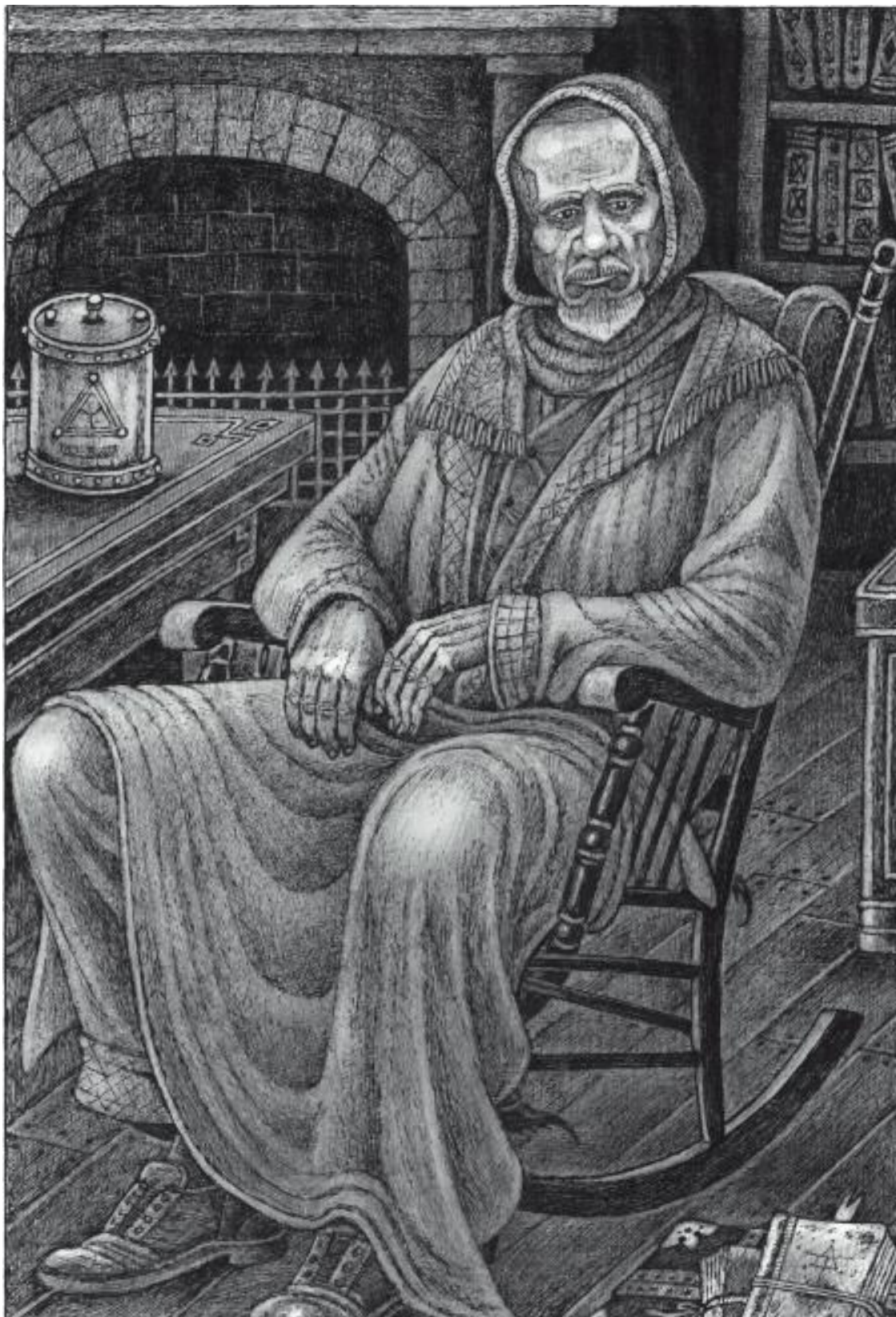
© Перевод и комментарии: Алякринский О., Эрлихман В., Шокин Г., Попов Д., 2023

© Примечания: Шокин Г., Попов Д., 2023

© Приложение: Попов Д., 2023

© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Шепчущий во тьме

I

Прошу заметить: в последний момент ничего ужасного я не увидел. И нельзя сказать, будто окончательный вывод я сделал в состоянии психологического шока – последней соломинки, заставившей меня среди ночи спешно покинуть уединенную ферму Айкли и помчаться в его автомобиле по безлюдной дороге меж округлых холмов Вермонта. Невзирая на увиденное и услышанное ранее, невзирая на неизгладимое впечатление, произведенное на меня этими тварями, я даже теперь не могу в точности сказать, прав я был или нет, придя к ужасающему умозаключению. В конце концов, исчезновение Айкли ни о чем не говорит. В его доме не нашли ничего подозрительного, кроме следов от пуль, продырявивших стены снаружи и внутри. Можно было подумать, что он просто вышел на прогулку по окрестным горам и не вернулся. Ничто не указывало на то, что у него побывали некие гости, и в его кабинете не нашли тех жутких металлических цилиндров и машин. А в том, что высокие лесистые горы и бесконечный лабиринт журчащих ручьев, среди которых он родился и вырос, внушали ему смертельный ужас, тоже нет ничего необычного; тысячи людей подвержены аналогичным болезненным страхам. Дикое же поведение, как и бушевавшие его приступы ужаса, можно легко объяснить эксцентричностью натуры.

Все началось с исторически значимого небывалого потопа – наводнения в Вермонте, случившегося 3 ноября 1927 года. Тогда, как и сейчас, я преподавал литературу в Мискатоникском университете в Аркхеме, штат Массачусетс, и изучал древние поверья Новой Англии. Вскоре после наводнения среди сонма публикаций в прессе о разрушениях, бытовых тяготах населения и организации помощи пострадавшим появились и странные сообщения о существах, обнаруженных в речных запрудах; тогда многие мои знакомые пустились с азартом обсуждать эти новости и попросили меня пролить свет на сей предмет. Мне было лестно сознавать, что они столь серьезно относятся к моим штудиям местного фольклора, и я постарался разоблачить те дикие рассказы, которые, как мне представлялось, выросли на почве невежественных деревенских суеверий. Меня немало забавляло, как иные весьма образованные люди с полной серьезностью настаивали на том, будто циркулировавшие слухи основывались на фактах – хотя и искаженных, неверно истолкованных.

Источником небылиц, привлечших мое внимание, были главным образом газетные публикации; впрочем, одну историю, или скорее сплетню, мой приятель узнал из письма матери, жившей в Хардвике, штат Вермонт. В ее пересказе описывалось примерно все то же самое, что фигурировало в прочих слухах, но там речь шла о трех не связанных между собой находках: одна была обнаружена в Винуски-ривер близ Монпелье, другая – в Вест-ривер в округе Уиндем за Ньюфаном, а третья – в реке Пассампсик округа Каледония, выше Линдонвилля. Разумеется, разные источники упоминали о множестве находок, но по всему выходило, что они толкуют именно об этих трех. В каждом случае местные сообщали, что бурные воды, низвергнувшиеся с пустынных холмов, принесли некие диковинные жуткие объекты, причем молва связывала их с полузабытым циклом древних тайных преданий, о которых ныне помнили лишь одни старики.

Людям чудилось, будто они видели фрагменты органических существ, не похожих ни на какие доселе известные. Естественно, в те трагические дни разлившиеся реки выбрасывали на берег тела погибших при наводнении; но очевидцы, описывавшие странные фрагменты, уверяли, что это не были человеческие останки, хотя и походили на них размерами и общими очертаниями. Вместе с тем утверждалось, что эти фрагменты явно не принадлежали ни одному из животных, что водятся в Вермонте. Тела этих существ были розоватого цвета, длиной около пяти футов; по виду напоминали ракообразных и имели множество пар то ли спинных плавников, то ли перепончатых крыльев и несколько пар членистых конечностей, а иные напоминали спиралевидный эллипсоид, покрытый множеством крохотных щупальцев там, где у обычных ракообразных находится голова. Казалось удивительным, сколь точно совпадали описания из разных источников. Впрочем, чему здесь удивляться? Ведь старинные легенды этого горного края изобиловали живописными подробностями, которые исподволь питали возбужденное воображение так называемых очевидцев и расцветчивали их рассказы. Мой же вывод заключался в том, что очевидцы, наивные и простодушные обитатели провинциальной глуши, замечали в потоках воды изуродованные и вздутые трупы людей и домашних животных, но под влиянием полузабытых местных легенд приписывали обычным жертвам наводнения самые фантастические свойства.

Предания старины, туманные, невнятные и большей частью давно забытые нынешним поколением, были весьма необычны и явно отражали влияние еще более древних индейских сказаний. Все это мне было прекрасно известно (хотя никогда до той поры я не бывал в Вермонте) по редчайшей монографии Эли Давенпорта, где описаны устные народные предания, собранные до 1839 года среди долгожителей штата. Эти предания к тому же совпадали с рассказами, которые я лично слышал от стариков в горных селениях Нью-Гемпшира: поговаривали о неведомой расе ужасных существ, обитавших в самых отдаленных горных районах – в глухих чащах на вершинах высоких пиков и в уединенных долинах, где протекают ручьи, бьющие из неведомых ключей. Этих существ нечасто удавалось увидеть воочию, и свидетельства об их существовании передавались теми, кто некогда отважился забраться на самые дальние склоны гор или спуститься в глубокие горные ущелья, которых избегали даже волки.

На илистых берегах тамошних ручьев и на иссохших клочках земли они находили диковинные отпечатки лап и клешней, а также выложенные из камней таинственные круги с вытоптанной по периметру травой, которые явно не были созданы природой. А на склонах гор обнаруживались диковинные пещеры неведомой глубины, заваленные – отнюдь не случайно! – гигантскими валунами, и множество следов, ведущих как внутрь пещер, так и прочь от них – если, конечно, направление следов было верно определено. Но хуже того: там были замечены существа, которые обычно не попадают на глаза даже самым безрассудным следопытам в сумеречных долинах и в непроходимых чащах мачтового леса, далеко за привычными границами областей, обычно посещаемых туристами.

Все это вызывало бы куда меньшую тревогу, если бы отрывочные рассказы об этих тварях не были столь похожи. А так сложилось, что почти все местные байки сходились в ряде важных подробностей: очевидцы уверяли, будто эти существа напоминают гигантских алых крабов со множеством лап и с парой огромных крыльев, точно у летучей мыши, посередине спины; иногда передвигаются на всех конечностях, а порой лишь на паре задних лап, используя остальные для переноски крупных предметов неясного назначения. Кто-то однажды наблюдал целую их стаю значительной численности, которая организованно перемещалась по обмелевшей речушке стройными колоннами по трое в ряд. Как-то этих тварей видели в полете – они взмыли с вершины одинокой голой скалы ночью и исчезли в вышине, шумно махая огромными крыльями и на миг заслонив яркий диск луны.

Похоже, горным чудовищам не было дела до людей; впрочем, их кознями объясняли загадочные исчезновения поселенцев – особенно тех, кто намеренно строил дома слишком близко к печально известным долинам или слишком высоко на склонах гор. Многие места в тех краях считались нежелательными для поселения, причем даже и после того, как повод для этого общераспространенного опасения давно позабылся. На иные окрестные горы люди смотрели с содроганием, хотя никто уже и не помнил, сколько поселенцев пропало в горных лесах и сколько домов сгорело дотла у подножия этих угрюмых зеленых часовых.

Согласно самым ранним легендам, inferнальные твари нападали лишь на тех, кто вторгался в пределы их владений, но вот более поздние поверья утверждали, что те выказывали любопытство в отношении людей и даже высылали тайные отряды слежения за поселенцами. Известны также рассказы о странных отпечатках когтей, что находили по утрам на оконных рамах фермерских домов, а также об исчезновении людей далеко от всем известных опасных мест. И еще рассказывали о странных жужжащих голосах, явно копирующих человеческую речь (якобы твари озвучивали ужасающие предложения одиноким путникам на пеших тропинках или проезжих дорогах в лесных чащах), и о детишках, насмерть перепуганных увиденным или услышанным в тех местах, где вековые леса вплотную подступали к жилищам. И наконец, в преданиях совсем недавнего прошлого – когда все прежние суеверия уже истерлись из памяти и люди вовсе перестали посещать те заповедные места – фигурируют дикие истории об отшельниках и обитателях уединенных ферм, которые внезапно подвинулись рассудком и будто бы продали душу богомерзким тварям. А в одном из северо-восточных округов в самом начале девятнадцатого века возникло даже поветрие обвинять эксцентричных и нелюбимых затворников в том, что они-де заключили союз с отвратительными тварями или стали их посланцами в нашем мире.

Что же до самих тварей, то тут описания, понятное дело, разнились. Обыкновенно их называли «те самые» или «те древние», хотя в разных местах к ним прилипали иные наименования, но не слишком надолго. Многие поселенцы-пуритане считали их порождением дьявола и на этом основании пускались истово строить теологические спекуляции. Те же, в чьих жилах текла кельтская кровь (а таковыми были нью-гемпширские потомки шотландцев и ирландцев, а также их родичи, прибывшие в Вермонт осваивать дарованные губернатором Уэнтвортом земли), связывали этих тварей со злыми духами келпи и болотными «маленькими человечками» и оберегали себя от их козней заговорами, передававшимися из поколения в поколение. Но самые фантастические домыслы на их счет распространяли местные индейцы. При всем различии древних сказаний у разных племен, они совпадали в некоторых важнейших деталях. Так, существовало единодушное мнение, что эти твари – не с Земли. В богатых на живописные подробности мифах пеннакуков рассказывается, что Крылатые прилетели с неба, с Большой Медведицы, и вырыли в земных горах глубокие шахты, где они добывают особые минералы, которых не найти нигде в других мирах. Они вовсе не поселились на Земле, говорят нам мифы, а просто выставили тут временные форпосты и регулярно улетают к своим звездам в северной части неба с обильной ношей добытых минералов. И уничтожают они лишь тех земных жите-

лей, которые подбираются к ним чересчур близко или пытаются их выследить. Дикие звери сторонятся их из природного инстинкта, а не потому, что твари на них охотятся. Питаться земными растениями и животными Пришлые не могут, поэтому они принесли с собой свою пищу с далеких звезд. Подходить к их колониям опасно – вот почему молодые охотники, забредавшие в облюбованные тварями горы, пропадали навсегда. Столь же опасно слушать их ночное перешептывание в лесах, когда они жужжат по-пчелиному, пытаясь подражать человеческой речи. Им ведом язык всех людей – пеннакуков, гуронов, пяти ирокезских племен, – но у них самих, похоже, нет своего звукового языка, они в нем попросту не нуждаются: передают друг другу сообщения, меняя цвет головы.

Разумеется, все легенды и предания, как индейские, так и белых поселенцев, в течение девятнадцатого века полностью забылись, за исключением разве что редких древних суеверий. После того как жители Вермонта прочно обосновались здесь и начали строить дороги и поселения по четкому плану, они все меньше и меньше вспоминали о старинных страхах и запретах, которые учитывались при составлении этого самого плана. Большинство фермеров просто знали, что такие-то горные районы издавна считаются опасными, невыгодными для освоения или непригодными для проживания, и чем дальше от них держаться, тем лучше. Со временем вошедшие в привычку обычаи и соображения экономической выгоды столь глубоко укоренились, что поселенцам более не было смысла выходить за границы своих мест обитания, а запретные горы так и остались необитаемыми – скорее волею случая, нежели по умыслу. Если не принимать во внимание редкие вспышки панических страхов в тех местах, лишь суеверные бабульки да девяностолетние старички, вспоминая о юных годах, судачили о тварях, обитающих на дальних горах; но даже пересказывая шепотом древние предания, рассказчики соглашались, что теперь нечего бояться тварей: ведь те давно смирились с присутствием ферм и поселков, коли люди раз и навсегда оставили их в покое, не посягая на выбранные ими для обитания места.

Все это мне давно было известно из книг и устных преданий, собранных мною в Нью-Гемпшире; вот почему, когда после наводнения появились все эти нелепые слухи, я легко догадался, на какой благодатной почве они возникли, и поспешил разъяснить это моим друзьям. Забавно, что несколько особенно задиристых спорщиков продолжали настаивать, будто во всех этих нелепых сообщениях содержится изрядная доля истины. Эти упрямцы указывали на то, что все древние предания объединяет сходство общей канвы событий и деталей и что было бы крайне глупо безапелляционно судить о таинственных обитателях малоизученной вермонтской глухомани. Я заверял их, что все мифы повторяют хорошо известную, общую для всего человечества сюжетную структуру, что они возникли на ранних стадиях творческой деятельности человека и отражают одинаковые заблуждения, – но это не рассеяло их сомнений.

Было бесполезно доказывать таким оппонентам, что в сущности вермонтские мифы мало чем отличаются от универсальных легенд о персонификации природных явлений, благодаря которым древний мир населяли фавны, дриады и сатиры, а уже в современной Греции возникли легенды о калликандзарах, а в древнем Уэльсе и Ирландии – предания о троглодитах и землероях, жутких существах, обитающих глубоко под землей. Упрямцев не убедили мои рассуждения о схожей вере народов горного Непала в ужасного Ми-го или «мерзких снежных людей», что бродят по ледникам Гималайских хребтов. Когда я сослался на эти факты, мои оппоненты обратили их против меня, увидев в них намек на историческую достоверность старинных преданий и получив лишний аргумент в пользу реального существования диковинной расы древних обитателей Земли, вынужденных прятаться от господствующего на планете *homo sapiens* и, с большой долей вероятности, доживших в незначительной численности до относительно недавних времен, а то и сущих по сей день.

И чем усерднее я обличал теории моих друзей, тем с большим упорством они настаивали на их истинности, добавляя, что даже без свидетельств древних мифов недавние сообщения

слишком недвусмысленны, подробны и объективны, чтобы от них можно было просто отмахнуться. Два-три самых отъявленных фанатика договорились до того, что сослались на древние индейские сказания, указывающие на внеземное происхождение таинственных тварей, и цитировали экстравагантные труды Чарльза Форта, уверявшего, будто посланцы иных миров из глубин космоса частенько посещали нашу Землю в прошлом. Большинство же моих противников, однако, были всего лишь романтиками, упрямо пытавшимися пересадить на реальную почву фантастические вымыслы о таинственных «маленьких человечках», которые популяризовал блистательный маэстро сверхъестественного ужаса Артур Мейчен.

II

Естественно, наши острые дебаты в конце концов дошли до прессы и были опубликованы в «Аркхем эдвертайзер» в форме переписки спорящих сторон; кое-какие из писем были затем перепечатаны в газетах тех районов Вермонта, где и возникли фантастические рассказы в связи с недавним наводнением. «Ратлэнд геральд» посвятила половину полосы выдержкам из писем с обеих сторон, в то время как «Братлборо реформер» полностью перепечатал мой обширный историко-мифологический обзор, снабдив публикацию глубокомысленным комментарием своего обозревателя, пишущего под псевдонимом Пендрифтер, – тот всячески поддерживал и одобрил мои скептические выводы. К весне 1928 года я стал в Вермонте чуть ли не местной знаменитостью, хотя никогда не посещал этот штат. Вот тогда-то я и начал получать от Генри Айкли письма с опровержениями моих взглядов. Эти письма произвели на меня глубокое впечатление и вынудили в первый – и последний – раз в жизни посетить этот удивительный край молчаливых зеленых гор и говорливых лесных ручьев.

Многое из моих сведений о Генри Уэнтворте Айкли было почерпнуто уже после моего посещения его уединенной фермы из переписки с его соседями и его единственным сыном, проживающим в Калифорнии. Генри Айкли был, как я выяснил, последним представителем старинного местного клана почтенных юристов, администраторов и земледельцев, однако именно на нем древний род резко уклонился от практических занятий в сторону чистой науки, и он многие годы уделил математике, астрономии, биологии, антропологии и фольклористике в Вермонтском университете. До той поры я никогда не слышал его имя, и он не слишком щедро делился автобиографическими подробностями в письмах, но из них мне сразу стало ясно, что это человек большого ума и эрудиции, с сильным характером, давно уже живущий затворником и посему мало искушенный в обычных житейских делах.

Несмотря на всю фантастичность высказанных Айкли идей, я с самого начала отнесся к нему куда более серьезно, чем к кому-либо из иных своих оппонентов. Во-первых, он, похоже, и впрямь сталкивался с конкретными явлениями – зримыми и осязаемыми, – о которых говорил; а во-вторых, его отличало подкупающее стремление облекать свои умозаключения в форму предположений и гипотез, как и подобает истинному ученому мужу. Он не старался убедить меня в чем-то, неизменно основывался в своих выводах исключительно на базе того, что считал неопровержимым свидетельством. Разумеется, первым моим порывом было объявить его гипотезы ложными, но при всем том я не мог не испытывать уважения к его интеллектуальным заблуждениям. И я никогда не был склонен, в отличие от его знакомых, объяснять взгляды Айкли, равно как и его безотчетный страх перед лесистыми горами вокруг его фермы, безумием. Я понял, сколь неординарен был этот мужчина, и сознавал, что факты, излагаемые им, порождены весьма странными и требующими изучения обстоятельствами, пусть даже и не связанными с теми фантастическими причинами, на которые он ссылался. Позднее я получил от него определенные вещественные доказательства, переведшие всё на совершенно иную – весьма странную! – почву.

Я не могу придумать ничего лучше, нежели полностью привести здесь длинное письмо, в котором Айкли поведал кое-что о своей жизни и которое сыграло поворотную роль в моих взглядах. Я более не располагаю этим посланием, но в моей памяти запечатлелось буквально каждое его слово; и я вновь хочу подтвердить, что не сомневаюсь в душевном здоровье автора. Вот это письмо. Дошедший до меня текст, замечу, был написан несколько старомодными затейливыми каракулями, выведенными рукой ученого отшельника, ведущего тихую уединенную жизнь и почти не поддерживающего связей с внешним миром.

п/я № 2

д. Тауниенд, округ Уиндем, Вермонт.

5 мая 1928 года

Альберту Н. Уилмарту, эск.,

на Солтонстолл-ст., 118,

в г. Аркхем, штат Массачусетс

Уважаемый сэр,

Я с большим интересом прочитал в «Братлборо реформер» (от 23 апреля 1928 г.) перепечатку Вашего письма касательно недавних сообщений о странных телах, замеченных в наших реках во время наводнения прошлой осенью, и о любопытных народных преданиях, с которыми они столь детально совпадают. Легко понять, почему у Вас – человека, никогда не бывавшего в наших краях, – возникла подобная точка зрения и по какой причине мистер Пендрифтер с Вами согласился. Такого же мнения обыкновенно придерживаются образованные люди как в самом Вермонте, так и за его границами; такова была и моя собственная позиция в юности (сейчас мне 57 лет), задолго до того, как научные изыскания общего характера и изучение книги Элайджи Давенпорта сподвигли меня исследовать некоторые здешние горы, куда никто не осмеливается заходить.

На это меня натолкнули странные древние сказания, которые я слышал от престарелых фермеров, не отличавшихся ученостью (теперь я убежден, что было бы лучше не братья за эти изыскания вовсе). Должен сказать, со всем должным смирением, что антропология и фольклор не чужды моим интересам. Я много занимался этими предметами в колледже и хорошо знаком с трудами признанных корифеев в данной области – таких, как Тайлор, Лаббок, Фрэзер, Катрефаж, Мюррей, Осборн, Кейт, Буль, Г. Эллиот Смит и др. Мне отнюдь не в новинку, что предания о скрывающихся расах стары как человечество. Я читал перепечатки Ваших писем, а также и тех, кто разделяет вашу точку зрения, в «Ратленд геральд» и, пожалуй, понимаю, в чем суть вашего диспута.

Пока же спешу заявить, что Ваши противники, боюсь, скорее более правы, нежели Вы, хотя представляется, что здравый смысл на Вашей стороне. Они даже более правы, нежели сами это осознают, – ибо, разумеется, руководствуются лишь теорией и не могут знать того, что известно мне. Если бы мои познания в данном предмете были столь же ничтожны, как их, я, подобно им, считал бы свои убеждения справедливыми и был бы целиком на Вашей стороне.

Как видите, мне весьма непросто перейти к предмету моего письма – вероятно, потому, что он меня страшит. Дело в том, что я располагаю определенными свидетельствами о жутких лесных тварях, живущих в горах, где никто не осмеливается ходить. Сам я не видел останки тварей, замеченные после наводнения, как о том писали в газетах, но лично встречал подобных существ при обстоятельствах, говорить о коих мне просто страшно. Я видел их следы и в последнее время встречал их в непосредственной близости от моего дома (я живу на старой ферме Айкли, южнее селения Тауниенд, на склоне Темной горы). Несколько раз в лесу я слышал голоса, которые не осмелился бы даже вкратце описать.

Однажды мне довелось слушать их настолько долго, что я даже записал производимые ими звуки при помощи фонографа и диктофона на восковой валик; постараюсь прислать Вам сделанную мной запись. Я воспроизвел ее на аппарате и дал послушать нашим старикам. Так вот, их буквально парализовал страх, когда они узнали голос, очень похожий на тот, о котором в детстве им рассказывали бабушки и даже пытались имитировать (о таком же жужжащем голосе в лесу упоминает Давенпорт). Я знаю, как большинство обывателей относится к человеку, который будто бы «слышал голоса», – но прежде чем делать выводы, просто прослушайте мою запись и поинтересуйтесь у кого-то из сельских стариков, что они об этом думают. Если Вы сможете найти этому другое объяснение – очень хорошо; но за этим стоит нечто неведомое. Ибо, как Вы сами знаете, ex nihilo nihil fit¹.

Итак, цель моего письма не в том, чтобы затеять с Вами спор, но предоставить информацию, которую, я полагаю, человек Вашего склада ума сочтет весьма и весьма интересной. Но это в приватном порядке. Публично же я на Вашей стороне, ибо, как свидетельствует ряд вещей, людям нет нужды знать слишком много об этом деле. Мои собственные исследования теперь целиком и полностью носят сугубо приватный характер, и я бы не стал делать какие-либо заявления, могущие привлечь внимание широкой публики и побудить людей к посещению обследованных мною мест. Но правда – ужасная правда! – в том, что за нами постоянно наблюдают существа внеземного происхождения, чьи шпионы из числа людей собирают о нас сведения. От одного несчастного человека, который, ежели он был в здравом уме (а в этом мне сомневаться не приходится), служил у них шпионом, я почерпнул большую часть разгадки этой тайны. Потом он покончил с собой, но у меня есть основания полагать, что помимо него есть еще и другие.

Эти твари прибыли с другой планеты, они способны жить в межзвездном пространстве и перемещаться в эфире с помощью неуклюжих, но весьма мощных крыльев; ими довольно трудно управлять, вот почему эти крылья практически бесполезны для передвижения на Земле. Я остановлюсь на этом подробнее чуть позже, если Вы не сочтете меня безумцем, недостойным Вашего внимания. Они прилетают к нам ради добычи металлов в глубоких горных шахтах, и мне кажется, что я знаю, откуда они родом. Они не причинят нам вреда, если мы оставим их в покое, но никто не может предсказать, что произойдет, если мы будем проявлять слишком большое любопытство. Разумеется, армия вооруженных людей могла бы стереть с лица земли их горную колонию. Вот этого они и опасаются. Но если так случится, из космоса сюда прилетят их бесчисленные полчища. Они с легкостью смогут завоевать Землю и до сих пор не пытались этого сделать только потому, что это им не нужно. Они скорее оставят все как есть, лишь бы не предпринимать лишних усилий.

Я думаю, они хотят избавиться от меня – из-за моих открытий. В лесу на Круглом холме, что к югу отсюда, я нашел большой черный камень, покрытый полустертыми загадочными иероглифами; и после того, как я принес его домой, все изменилось. Если твари сочтут, что я узнал о них слишком много, они меня либо убьют, либо утащат с Земли на свою планету. Они привыкли время от времени умыкать с собой ученых, чтобы оставаться в курсе событий человеческого мира.

Итак, я подошел ко второй цели моего обращения к Вам: побудить Вас притупить разгоревшийся в прессе спор, а не раздувать его ради более широкой огласки. Местные жители должны держаться подальше от этих гор; чтобы отвадить их, нам не следует возбуждать любопытство публики. Бог свидетель, местных жителей и так подстерегает масса иных опасностей, исходящих от предпринимателей и торговцев недвижимостью, наводнивших Вермонт, и от орд дачников, спешащих захватить свободные участки земли и застроить горные склоны дешевыми коттеджами.

¹ «Из ничего ничто не происходит» (лат.). Наш эквивалент – «Нет дыма без огня». (Здесь и далее примечания переводчика.)

Буду рад получить от Вас ответ и попытаюсь отправить Вам экспресс-почтой фонографический валик с записью и черный камень (надписи на нем настолько стерты, что никакая фотография их не передаст), если Вы соизволите проявить свой интерес. Я говорю «попытаюсь», ибо думаю, что эти мерзкие твари способны вмешаться в ход событий. Есть тут у нас один тип по имени Браун, угрюмый и скрытный, он живет на ферме неподалеку от нашей деревни... Так вот: я полагаю, что он их шпион. Мало-помалу твари стараются пресечь все мои связи с внешним миром, потому что я слишком много узнал о них.

У них есть весьма удивительный способ выведывать все, чем я занимаюсь. Это письмо, возможно, даже не попадет к Вам в руки. Думаю, если ситуация ухудшится, мне придется переехать к сыну в Сан-Диего, в Калифорнию, хотя будет очень нелегко покинуть дом, где ты родился и вырос и где прожили шесть поколений твоего рода. К тому же едва ли я осмелюсь продать кому-нибудь дом именно теперь, когда эти твари взяли его на заметку. Похоже, они пытаются завладеть этим черным камнем и уничтожить фонографическую запись, но я, если смогу, им в этом воспрепятствую. Мои большие сторожевые псы всегда отпугивают тварей, потому как в здешних краях они все еще малочисленны и боятся разгуливать в открытую. Как я уже сказал, их крылья не приспособлены для коротких полетов над землей. Я вплотную подошел к расшифровке иероглифов на камне и надеюсь, что Вы, с Вашими познаниями в области фольклора, поможете мне восполнить недостающие элементы. Полагаю, Вам многое известно о страшных мифах, предшествующих периоду возникновения человека – а именно о властвовании Йог-Сотота и Ктулху, – на которые есть ссылки в «Некрономиконе». Как-то я держал в руках эту книгу и, как слышал, у Вас в университетской библиотеке под замком хранится один ее экземпляр.

В заключение, мистер Уилмарт², хочу выразить убеждение, что с багажом наших знаний мы можем оказаться весьма полезными друг другу. Я вовсе не желаю, чтобы Вы каким-то образом пострадали, и должен Вас предупредить, что обладание камнем и записью представляет опасность; но я уверен, что Вы сочтете любой риск во имя знания оправданным. Я поеду в Ньюфан или Братлборо, чтобы отправить Вам все, что Вы сочтете желательным, так как тамошней почтовой службе доверяю больше, чем нашей. Должен заметить, что теперь я живу в совершенном одиночестве, ибо никто из местных не хочет наниматься ко мне на ферму. Они боятся тварей, которые по ночам подбираются близко к дому, заставляя моих псов беспрестанно лаять. Мне остается радоваться, что я не увлекся всеми этими вещами еще при жизни моей жены, ибо это свело бы ее с ума.

С надеждой, что Вы не сочтете меня чересчур назойливым и захотите связаться со мной, а не выбросите это письмо в мусорную корзину, приняв его за бред сумасшедшего, остаюсь

*искренне Ваш,
Генри У. Айкли*

P.S. Намерен сделать дополнительные отпечатки некоторых фотографий; надеюсь, они помогут проиллюстрировать ряд моих утверждений. Местные старцы находят их отвратительными, но правдоподобными. Вышлю их незамедлительно, если интересно.

Трудно описать чувства, охватившие меня при первом прочтении этого странного документа. По здравом рассуждении, подобные экстравагантные излияния должны были рассмешить меня куда сильнее, чем значительно более безобидные измышления простаков, ранее вызвавшие мое бурное веселье. Но что-то в тоне письма заставило меня отнестись к нему,

² «Фольклорист Уилмарт» – эрудит, чьи познания «сосредоточены в области, крайне далекой от приятного», – упоминается также в повести «Хребты безумия». Судя по всему, это один и тот же персонаж.

как ни парадоксально, с исключительной серьезностью. Не то чтобы я хоть на секунду поверил в существование загадочных обитателей подземных шахт, прилетевших с далеких звезд, о чем рассуждал мой корреспондент; но, отбросив первые сомнения, я необъяснимым образом поверил в полное здравомыслие и искренность Айкли, как и в его противостояние с реально существующим, пускай и исключительным, сверхъестественным феноменом, для объяснения которого он призвал на помощь свое буйное воображение. Все обстояло совсем не так, как ему казалось, размышлял я; с другой стороны, эта тайна требовала тщательного расследования. Несомненно, его сильно взволновало и встревожило нечто, и едва ли его волнение и тревога были беспричинны. Он был по-своему конкретен и логичен, и главное – его повесть четко укладывалась, что особенно любопытно, в сюжеты древних мифов, в том числе самых невероятных индейских преданий.

Вполне возможно, что он на самом деле слышал в горах пугающие голоса и на самом деле нашел черный камень, но при этом сделал совершенно безумные умозаключения – вероятно, по наущению человека, которого счел шпионом космических пришельцев и который позднее покончил с собой. Легко предположить, что этот человек был не в своем уме, но, возможно, в его рассказах простодушный Айкли обнаружил крупную очевидную, но извращенную логику, заставившей его – уже готового к подобным вещам благодаря многолетнему изучению фольклора – поверить в эти бредни. А отказ местных жителей наниматься к нему на работу, видимо, объясняется тем, что малодушные односельчане Айкли были, как и он, уверены: его дом по ночам подвергается нашествию жуткой нечисти. И что еще важно: собаки ведь лаяли!

И потом, упоминание про фонограф и записанные на нем голоса... У меня не было оснований не верить, что он сделал подобную запись в горах при тех самых обстоятельствах, о которых поведал мне. Но что это было: звериный вой, ошибочно принятый им за человеческую речь, или голос скрывающегося в лесу одичавшего человека? Размышления привели меня к черному камню, испещренному загадочными иероглифами, и я стал ломать голову над тем, что бы это значило. А потом задумался о фотоснимках, которые Айкли обещал мне переслать и которые его соседи-старички сочли столь устрашающе правдоподобными...

Перечитывая его каракули, я проникался убеждением: мои доверчивые оппоненты, возможно, имели для своего мнения куда больше оснований, чем мне ранее казалось. В конце концов, странные человекоподобные существа с признаками наследственного упадка и впрямь могут обитать в безлюдных горах Вермонта, хотя они, конечно, не являются теми рожденными на далеких звездах монстрами, о которых толкуют народные поверья. А если эти твари и впрямь существуют, то тогда находки странных тел в разлившихся реках едва ли можно считать сплошной выдумкой. Не самонадеянно ли было мое предположение, будто старинные сказания, как и недавние газетные сообщения, очень далеки от реальности? Впрочем, даже при возникших сомнениях мне было стыдно сознавать, что пищей для них послужило столь причудливое порождение фантазии, как экстравагантное письмо Айкли.

В итоге я ему написал-таки, выбрав тон дружелюбной заинтересованности и попросив сообщить мне больше подробностей. Через пару дней пришел ответ. Как Айкли и обещал, он сопроводил письмо несколькими фотоснимками сцен и предметов, иллюстрирующих его рассказ. Вытряхнув их из конверта и изучив, я испытал ужас от внезапной близости к запретному знанию: невзирая на размытость большинства снимков, они источали некую сатанинскую власть внушения, и власть эту лишь усиливал факт их несомненной подлинности – фото служили оптическим доказательством реальности запечатленных объектов и объективно передавали их вид без предвзятости, искажения или фальши.

Чем дольше я рассматривал фотоснимки, тем более убеждался, что моя легковесная оценка личности Айкли и его рассказа крайне безосновательна. Безусловно, изображения служили неоспоримым свидетельством присутствия в горах Вермонта чего-то такого, что по меньшей мере выходило за пределы наших знаний и верований. Самой жуткой казалась фотография

отпечатка лапы – снимок, сделанный в тот миг, когда луч солнца упал на влажную землю где-то на пустынном высокогорье. С первого взгляда было ясно, что это не дешевый трюк: отчетливо видимые камушки и травинки служили точным ориентиром масштаба изображения и не оставляли возможности для махинаций с фотомонтажом. Я назвал изображение «отпечатком лапы», но правильнее было бы назвать это «отпечатком клешни». Даже сейчас я вряд ли смогу описать его точнее, чем сказать, что след походил на отпечаток гигантской крабьей клешни, причем направление ее движения определить было невозможно. След был не слишком глубоким, не слишком свежим, а размером походил на след ступни взрослого мужчины. В разные стороны от центра торчало несколько похожих на зубья пилы клешней, чье назначение меня озадачило: я не мог с уверенностью сказать, что этот орган служил для передвижения.

На другом снимке, явно сделанном с большой выдержкой в густой тени, виднелся вход в лесную пещеру, закрытый огромным округлым валуном. На пустой площадке перед пещерой можно было различить множество странных следов; рассмотрев изображение через лупу, я вздрогнул, поняв, сколь они схожи с отпечатком лапы на первой фотографии. На третьем фото виднелся сложенный из камней круг, напоминающий ритуальные постройки друидов; он располагался на вершине поросшего лесом холма. Вокруг загадочного круга трава была сильно вытоптана, хотя никаких следов – даже с помощью лупы – я не обнаружил. О том, что это глухое место вдали от обжитых районов штата, можно было судить по бескрайним горным грядам на заднем плане, что тянулись далеко к горизонту и тонули в дымке. Но если изображение лапы-клешни вызвало в моей душе некую невнятную тревогу, то крупный черный камень, найденный в лесу на холме, наводил на определенные мысли. Айкли сфотографировал камень, по-видимому, на рабочем столе в кабинете, ибо я заметил на заднем плане книжную полку и бюстик Мильтона. Камень, как можно было догадаться, находился перед объективом вертикально, обратив к зрителю неровную выпуклую поверхность размером примерно фут на два; но вряд ли в нашем языке найдутся слова для точного описания его поверхности или формы. Каким принципам внеземной геометрии подчинялась рука неведомого резчика – а у меня не было ни малейшего сомнения в искусственном происхождении этого каменного изваяния – я даже отдаленно не мог предположить. Никогда раньше я не видел ничего подобного; этот диковинный камень, несомненно, имел внеземное происхождение. Мне удалось разобрать немногие из иероглифов на его поверхности, и, всмотревшись в них, я пережил настоящий шок. Конечно, эти письмена могли оказаться чьей-то безобидной шуткой, ведь кроме меня есть немало тех, кто знаком с богопротивными строками «Некрономикона», принадлежащими перу юродивого араба Абдуллы Аль-Хазреда; но тем не менее я невольно содрогнулся, узнав некоторые идеограммы: насколько я знал из своих ученых занятий, они имели прямую связь с леденящими кровь кощунственными заклинаниями существ, пребывавших в безумном полусне-полубодрствовании задолго до возникновения Земли и иных миров Солнечной системы.

На трех из пяти остальных фотографий были запечатлены болота и леса со смутными приметами тайного обитания каких-то омерзительных тварей. Еще было изображение загадочной отметины на земле вблизи дома Айкли, которую, по его словам, он заснял на рассвете после той самой ночи, когда его псы разлаялись пуще обычного. След был очень нечетким, и по его виду невозможно было понять, что это такое, хотя он, пожалуй, был оставлен тем же отвратительным существом, что и отпечаток лапы-клешни, сфотографированный в безлюдном высокогорье.

На последнем фотоснимке я увидел жилище Айкли: фермерский дом белого цвета, в два этажа, с чердаком; выстроенный, верно, век с четвертью тому назад, с аккуратно подстриженной лужайкой и мощенной камнями дорожкой, которая вела к двери, покрытой изящной резьбой в георгианском стиле. На лужайке расположились несколько сторожевых псов, а на переднем плане стоял мужчина приятной наружности с коротко стриженной седой бородкой

– по-видимому, Айкли, сфотографировавший самого себя, судя по проводу, соединенному с лампой-вспышкой в его правой руке.

Разглядев фотографии, я перешел к объемистому, написанному убористым почерком письму и на три часа погрузился в глубины несказанного ужаса. То, о чем в предыдущем послании Айкли упомянул лишь вскользь, теперь он излагал во всех деталях. Он приводил обширные цитаты из речей, слышанных им ночью в лесу; подробно описывал жутких розоватых существ, замеченных в сумерках, а также поведал ужасающую повесть о космических пришельцах, которую, опираясь на свои фрагментарные ученые познания, сложил из обрывков бессвязных речей безумного шпиона-самозванца, позднее покончившего с собой. Я едва не запутался в обилии имен и терминов, слышанных мною когда-то давно в связи со зловещими мифами: Юггот, Великий Ктулху, Цаттогва, Йог-Сотот, Р'льех, лемур Катулос³, Бран, Ньярлатхотеп, Азатот, Хастур, Йан-Хо⁴, плато Ленг, озеро Хали, Бетмура⁵, Желтый Знак, *Magnus Innomindum*, – и перенесся за безымянные эры и непостижимые измерения, в универсум древнейшего потустороннего естества, о чьей природе безумный автор «Некрономикона» мог лишь строить догадки самого смутного свойства. Я узнал о бездне первобытной жизни, и о струящихся в ней потоках, и о текущем из одного такого потока крошечном ручейке, которому суждено было дать начало жизни на нашей Земле.

Мой мозг пришел в смятение – если прежде я пытался подобрать загадочным вещам разумное толкование, то теперь начал верить в самые неестественные и неправдоподобные чудеса. Я получил массу важнейших свидетельств, многочисленных и ошеломляющих, и хладнокровный научный подход Айкли – подход, далекий, насколько возможно, от какого бы то ни было безумного фантазирования, истерического фанатизма и экстравагантного философствования, – сильно повлиял на мои мысли и суждения.

Отложив его жуткое письмо в сторону, я смог вполне понять причины обуревающих его страхов и сам уже был готов сделать все, что в моих силах, лишь бы удержать людей от посещения тех пустынных опасных гор. Даже сейчас, когда время несколько притупило остроту первых впечатлений, я сохраняю в тайне некоторые вещи, о которых говорилось в письме Айкли: я не осмелюсь ни назвать их, ни попытаться описать словами. Я даже рад, что и письмо, и восковой валик с записью, и все фотографии пропали, – и лишь сожалею (по причинам, о которых скажу далее), что новая планета позади Нептуна все же была недавно открыта.

После прочтения письма Айкли я перестал участвовать в публичном обсуждении вермонтского ужаса. Я оставил аргументы моих оппонентов без ответа или дал невнятные обещания оспорить их в будущем, и постепенно наш спор забылся. Весь конец мая вплоть до первого июня я переписывался с Айкли; правда, время от времени наши письма терялись в пересылке, и нам приходилось восстанавливать в памяти их содержание и пересказывать заново. В целом же мы сопоставили свои заметки, относящиеся к малоизвестным ученым трудам по мифологии, и попытались выявить более четкую связь между вермонтскими ужасами и общим корпусом сказаний первобытного мира.

Во-первых, мы пришли к практически единодушному мнению, что эти твари и жуткие гималайские Ми-го принадлежат к одной и той же разновидности чудовищ. Мы также выдвинули ряд предположений об их зоологической природе, о чем я горел желанием рассказать профессору Декстеру в своем родном колледже, но Айкли строго запретил мне делиться с кем-либо нашими открытиями. И если сейчас я готов нарушить его запрет, так лишь по причине

³ Катулос – волшебник из Лемурии, герой рассказа Роберта Говарда «Лик черепа» (англ. Skull Face). Один из читателей спросил Говарда в письме: «Что, если Катулос произошел от Ктулху?» Говард написал об этом в письме Лавкрафту, и тому эта мысль понравилась. Лавкрафт ответил, что, возможно, использует идею в будущих историях. В рассказе «Зов Ктулху» упоминается книга Уильяма Скотта-Эллиота «Атлантида и потерянная Лемурия», что косвенно говорит в пользу этой версии.

⁴ См. соотв. примечание к рассказу «Дневник Алонсо Тайпера».

⁵ Вымышленный город, упоминающийся в одноименном рассказе Эдварда Дансени.

своей уверенности в том, что предупреждение об опасностях, таящихся в далеких вермонтских горах – как и на тех гималайских пиках, которые отважные искатели приключений с таким азартом планируют покорить, – в большей степени способствует общественной безопасности, нежели утайки на сей счет. Одним из важнейших совместных достижений обещала стать расшифровка иероглифов, выбитых на ужасном черном камне, – она могла дать нам ключ к тайнам более значительным и захватывающим из всех, что ранее были ведомы человечеству. Что ж, к ней мы были близки.

III

В конце июня я получил фонографическую запись, отправленную экспрессом из Братлборо, поскольку Айкли не был склонен доверять обычной почтовой службе округа. В последнее время он все отчетливее ощущал слежку за собой, и его опасения только усугубились после утраты нескольких наших писем; он сетовал на вероломство некоторых лиц, кого считал агентами затаившихся в горном лесу тварей. Больше всего подозрений у него вызывал угрюмый фермер Уолтер Браун, который жил в одиночестве в обветшалой хижине на лоне густого леса и которого частенько замечали околачивающимся без видимой надобности то в Братлборо, то в Беллоуз-Фоллс, то в Ньюфане и в Южном Лондондерри. Айкли не сомневался, что Браун был одним из участников подслушанной им в ночном лесу жуткой беседы, и как-то раз он обнаружил возле дома Брауна отпечатки лапы или клешни, что считал весьма зловещим знаком, поскольку рядом заметил следы от башмаков самого Брауна, которые вели прямехонько к отпечатку мерзкого чудовища.

Итак, запись была отправлена мне из Братлборо, куда Айкли доехал на своем «форде» по безлюдным вермонтским проселкам. В сопроводительной записке он признался, что лесные дороги внушают ему страх и теперь он ездит за покупками в Тауншенд только при свете дня. Никому не стоит стараться узнать больше о вермонтском ужасе, снова и снова повторял Айкли, – ничего не грозит лишь тем, кто живет на значительном удалении от этих загадочных необитаемых холмов. Он сам собирался вскоре переехать на постоянное место жительства к сыну в Калифорнию, хотя и признавался, что ему будет тяжело покинуть дом, где все напоминает о жизни нескольких поколений его семьи.

Прежде чем воспроизвести запись на аппарате, заимствованном в административном здании колледжа, я внимательно перечитал разъяснения Айкли. Эта запись, по его словам, была сделана в час ночи первого мая 1915 года у заваленного камнем входа в пещеру на лесистом западном склоне Темной горы, около болота Ли. В тех краях местные жители довольно часто слышали странные голоса, что и побудило его отправиться в лес с фонографом, диктофоном и чистым восковым валиком в надежде записать голоса. Богатый опыт фольклориста говорил ему, что канун первого мая – ночь шабаша ведьм, если верить темным европейским поверьям, – вполне подходящая дата, и он не был разочарован. Впрочем, стоит оговориться: с тех пор никаких голосов в том самом месте он ни разу не слышал.

В отличие от большинства других бесед, подслушанных им ранее в лесу, это был своеобразный обряд, в котором участвовал один явно человеческий голос, принадлежность которого Айкли не смог установить. Голос принадлежал не Брауну, а весьма образованному мужчине. Второй же голос оказался тем, ради чего Айкли и предпринял свою экспедицию: то было зловещее жужжание, не имевшее ни малейшего сходства с живым человеческим голосом, хотя слова проговаривались четко, фразы строились по правилам английской грамматики, а манера речи напоминала декламацию университетского профессора.

Фонограф и диктофон работали не безупречно, и конечно, большим неудобством было то, что голоса звучали издали и несколько приглушенно, поэтому восковой валик сохранил лишь фрагменты подслушанного обряда. Айкли затранскрибировал все сказанные реплики, и,

прежде чем включить аппарат, я бегло просмотрел его записи. Текст оказался скорее невнятно-таинственным, нежели откровенно пугающим, хотя, зная его происхождение и способ его получения, я все равно испытал невыразимый страх.

Приведу текст полностью, каким я его запомнил, – причем я вполне уверен, что точно заучил его наизусть, перечитывая и многократно прослушивая запись. Не так-то просто забыть нечто подобное!

(Неразборчивые звуки)

(Голос образованного мужчины)

...есть Госпожа Лесов, равная... и дары обитателей Ленга... и так, из кладезей ночи в бездну космоса и из бездны космоса к кладезям ночи, вечная хвала Великому Ктулху, и Цат-тогве, и Тому, Кто не может быть Назван по Имени. Да пребудет с Ними вечно слава, да изобилие – с Черной Козлицей. Йа! Шаб-Ниггурат! Черная Коза и ее Легион Младых!

(Жужжание, подражающее человеческой речи)

Йа! Шаб-Ниггурат! Черная Коза, Легион Младых!

(Мужской голос)

И так случилось, что Госпожа Лесов, будучи... семь и девять, вниз по ониксовым ступеням... <вос>славляют Его в Бездне, Азатот, Тот, Кого Ты обучил всем чуде<сам>... на крыльях ночи за пределы бескрайнего космоса, за пределы... Того, чьим младшим сыном является Юггот, одиноко скитающийся в черном эфире на самом краю...

(Жужжащий голос)

...ходи среди людей, найди свой путь там, в Бездне могут знать. Ньярлатхотепу, Державному Посланнику, должно поведать обо всем. И Он облечет себя в подобие людей, надев восковую маску и одеяние, что скроет его, и снизойдет из мира Семи Солнц, дабы осмеять...

(Человеческий голос)

<Ньяр>атхотеп, Державный Посланник, несущий странную радость Югготу сквозь пустоту, Отец Миллионов Предпочтимых, Ловец среди...

(Голоса обрываются – конец записи)

Вот какие слова я услышал, воспроизведя запись на фонографе. Дрожа от страха, я заставил себя нажать на рычаг и услышал скрип сапфирового наконечника звукоснимателя. Признаться, я обрадовался, когда до моего слуха донеслись обрывки первых невнятных слов, произнесенных человеческим голосом – приятным интеллигентным голосом, в котором можно было различить нотки бостонского говора и который, безусловно, не принадлежал уроженцу вермонтской глуши. Вслушиваясь в плохую запись, я отмечал полное сходство реплик с записями Айкли. Приятный голос с бостонским акцентом вещал нараспев: *йа! Шаб-Ниггурат! Черная Коза лесов и ее Легион Младых!*

Но затем я услышал другой голос. До сих пор у меня по коже бегут мурашки, стоит мне вспомнить, как он потряс меня, несмотря на то что после описания Айкли я был готов услышать что угодно. И все, кому я потом пересказывал содержание этой записи, пытались меня убедить, что это всего лишь дешевое надувательство или речи безумца. Имей они возможность своими ушами услышать те богомерзкие речи или ознакомиться с посланиями Айкли (особенно с подробнейшим вторым письмом), уверен, они бы отнеслись к этому иначе. Очень жаль, что я в свое время не послушался Айкли и не продемонстрировал запись своим знакомым; об этом я особенно сожалею теперь, когда все письма пропали. Мне, посвященному в события, на фоне которых была сделана запись, и услышавшему ее собственными ушами, жужжащий голос внушил невыразимый ужас. Жужжание быстро сменяло человеческий голос в ритуальном диалоге, но в моем воображении оно звучало отвратительным эхом, несущимся сквозь многомерные бездны из невообразимых адовых глубин космоса. Минуло уже целых два года

с тех пор, как я в последний раз прослушивал запись, но и сейчас при воспоминании об этом в моих ушах стоит это слабое, едва слышное жуткое жужжание и я испытываю тот же самый ужас, что объял меня тогда. *Йа! Шаб-Ниггурат! Черная Коза лесов и ее Легион Младых!*

Пускай я все еще отчетливо слышу тот голос, мне не хочется его анализировать, даже и для пушей точности описания. Он походил на монотонный гул омерзительного исполина-насекомого – неземного существа, как бы с усилием преобразующего свои родные звуки в артикулированную человеческую речь. Причем я с полной уверенностью могу утверждать, что органы, производившие эти звуки, ни в малейшей степени не похожи на голосовые связки человека или на голосовой аппарат земных млекопитающих. С учетом ни с чем не сравнимых особенностей тембра, диапазона и обертонов я не могу поставить это существо в один ряд с человеком или другими земными животными. Его неожиданное звучание в первый момент ошеломило меня, и я дослушал запись до конца, находясь в состоянии отрешенного оцепенения. Когда же я услышал более продолжительный пассаж, меня охватило куда более *острое* ощущение чуждости, нежели то, что я испытал при прослушивании предыдущего, более короткого, фрагмента. Запись внезапно обрывалась на середине фразы, которую декламировал с бостонским прононсом высокообразованный мужчина; но после автоматического отключения аппарата я еще долго сидел, бездумно уставившись в пустоту.

Вряд ли нужно говорить, что я многократно воспроизводил ту жуткую запись и затем дотошно описал и откомментировал услышанное, сравнивая свои заметки и записи Айкли. Бесплезно и жутко повторять сделанные нами выводы; скажу лишь, что мы сошлись на том, что нам удалось обнаружить ключ к происхождению ряда наиболее отвратительных древних ритуалов в различных религиях человечества. Мы также уяснили, что в непомерной древности возникли весьма сложные связи между таинственными внеземными тварями и некими представителями человеческого рода. Насколько широкое распространение этот альянс получил тогда и насколько он прочен сегодня в сравнении с прошлыми эпохами – об этом мы даже не догадывались, но могли строить на сей счет множество самых страшных теорий. Как мы предполагали, союз между человеком и безымянной силой времен глубокой древности проходил в несколько стадий. Богомерзкие твари, по нашему разумению, пришли на Землю с темной планеты Юггот, расположенной на самом краю Солнечной системы, но и она была лишь обжитой колонией страшной межзвездной расы, живущей далеко за пределами временно-пространственного континуума Эйнштейна, вне известного нам большого космоса.

Между тем мы продолжали обсуждать возможный способ доставки черного камня в Аркхем – причем Айкли считал нежелательным мой приезд к нему, на место его пугающих ночных открытий. По какой-то неведомой мне причине он опасался отправлять камень обычным маршрутом. В итоге он решил сам привезти его в Беллоуз-Фоллс и отправить экспрессом по Бостонско-Мэнской железнодорожной ветке, через станции Кин, Уинчендон и Фичбург⁶, даже невзирая на то, что для этого ему пришлось бы сделать большой крюк и ехать по безлюдным лесным и горным дорогам, а не напрямик по главному шоссе в Братлборо. По его словам, отправляя мне ранее посылку с фонографической записью, он заметил около почтового отделения в Братлборо незнакомца, чей внешний вид и поведение показались ему весьма подозрительными. Этот незнакомец о чем-то настойчиво спрашивал почтовых клерков и сел на тот самый поезд, в котором отправилась посылка с восковым валиком. Айкли признался, что вол-

⁶ Железнодорожное сообщение между этими населенными пунктами действительно существует, равно как и все перечисленные здесь города, что делает возможной более точную локализацию вымышленного города Аркхем, средоточия оккультных сил Новой Англии: к северу от Бостона в округе Эссекс, штат Массачусетс. Известно, что Лавкрафт изменил изначальное местоположение Аркхема, поскольку решил, что долина Куаббин (англ. Quabbin) была затоплена под водохранилище, созданное для снабжения Бостона пресной водой, – что упомянуто в рассказе «Сияние извне» (см. том «Зов Ктулху» серии «Хроники Некрономикона»). Реальным прототипом Аркхема, вероятно, послужил г. Салем, известный своими процессами над ведьмами.

новался до последней минуты, пока не получил от меня известия о благополучной доставке записи.

Примерно в это самое время – во вторую неделю июля – в очередной раз затерялось мое письмо, о чем Айкли сразу же мне сообщил. После этого случая он попросил более не адресовать письма в Тауншенд и направлять всю корреспонденцию до востребования в службу почтовой доставки Братлборо, куда он обещал почаще наезжать либо в своем «форде», либо на междугороднем автобусе, который не так давно пришел на смену вечно опаздывающим пассажирским поездам. Я заметил, что в последнее время его беспокойство усилилось: он в мельчайших подробностях описывал участвовавший лай собак безлунными ночами и свежие отпечатки клешней, появлявшиеся по утрам на дороге перед домом и на заднем дворе. Однажды он поведал мне о множестве свежих отпечатков клешней рядом с собачьими следами и в подтверждение своих слов приложил к письму жуткое фото. Это случилось сразу после ночи, когда псы особенно надрывно лаяли и выли.

Утром в среду восемнадцатого июля я получил от Айкли посланную из Беллоуз-Фоллс телеграмму. Он сообщал, что посылка с черным камнем отправлена по Бостонско-Мэнской ветке поездом № 5508, который уходит из Беллоуз-Фоллс в 12:15 по местному времени и прибывает на вокзал Норт-Стейшн в Бостоне в 16:12. По моим расчетам, камень должны были доставить в Аркхем приблизительно в следующий полдень; соответственно, все утро четверга я пробыл дома в ожидании посылки. Но ни в полдень, ни позднее посылку так и не принесли, а когда я телефонировал в штаб экспресс-почты, мне сообщили, что никакого отправления на мое имя не поступало. Тогда, уже встревожившись не на шутку, я заказал междугородний разговор с агентом почтовой службы вокзала Норт-Стейшн в Бостоне и не сильно удивился, узнав, что никакой посылки для меня у них нет. Поезд № 5508 прибыл накануне днем, опоздав всего на полчаса, но в почтовом багаже ящика на мое имя не сыскалось. Агент, правда, пообещал навести справки о пропавшей посылке, и вечером того же дня я отправил Айкли письмо, обрисовав сложившуюся ситуацию.

К моему удивлению, ответ из бостонского филиала не заставил себя долго ждать: уже на следующий день агент экспресс-почты сообщил мне по телефону о результатах своей проверки. По его словам, клерк, сопровождавший почту в поезде № 5508, вспомнил об инциденте, который мог бы объяснить пропажу: когда поезд во втором часу пополудни местного времени сделал остановку в Кине, штат Нью-Гемпшир, к нему обратился худой рыжеволосый мужчина со странным голосом, с виду – деревенский. По его словам, он ждал тяжелую посылку и беспокоился из-за того, что в поезде среди ящиков ее не оказалось и даже в книге записей почтовых отправок она не значилась. Парень назвался Стэнли Адамсом, у него был очень необычный, густой, какой-то жужжащий голос, и почтовый клерк, пока его слушал, внезапно почувствовал странное головокружение и сонливость. Чем завершилась их беседа, клерк не помнил, но заверил, что его сонливость как рукой сняло, стоило поезду отойти от платформы. Бостонский почтовый агент добавил, что этот клерк работает в компании давно и прилежно, его правдивость и надежность не вызывают сомнений.

Тем же вечером я отправился в Бостон расспросить этого клерка лично, узнав его имя и адрес в конторе. Разговорившись с ним (он оказался добродушным и честным малым), я сразу понял, что ему нечего добавить к первоначальному изложению событий. Меня, правда, удивило, когда клерк заметил: встретить он того незнакомца снова, он вряд ли смог бы его узнать. Я возвратился в Аркхем и просидел до утра за письмами к Айкли, в главное управление почтовой компании, в полицейский участок и станционному начальству в Кине. Сомнений не было: обладатель странного голоса, который необъяснимым образом словно загипнотизировал клерка, сыграл в этом загадочном происшествии основную роль, и я надеялся, что смогу получить хоть какую-то информацию о том, как таинственный чужак ухитрился найти и присвоить

мою посылку, – либо от сотрудников станции в Кине, либо из регистрационной книги местного телеграфного отделения.

Увы, я вынужден был признать, что мои розыски ни к чему не привели. Обладателя странного голоса и впрямь видели на станции в Кине утром восемнадцатого июля, и один местный житель даже припомнил, что да, вроде бы тот нес тяжеленный ящик; но его там никто не знал и не видел ни до, ни после этого. Он не заходил на телеграф, не получал никаких сообщений (иначе телеграфисты знали бы об этом), равно как и не было обнаружено никаких квитанций, свидетельствовавших о том, что черный камень прибыл с поездом № 5508 и был кем-то получен. Естественно, Айкли присоединился к моим поискам и даже лично съездил в Кин, чтобы расспросить людей возле станции. Но он отнесся к происшествию куда более фаталистически, чем я: похоже, пропажу посылки он счел зловещим знамением неизбежного хода вещей и уже не надеялся ее вернуть. Он говорил о несомненных телепатических и гипнотических способностях горных тварей и их агентов, а в одном из писем намекнул, что, по его мнению, камень уже находится далеко от Земли. Я же был в тихом бешенстве, ибо чувствовал, что мы упустили верный, пусть и зыбкий шанс узнать из полустертых иероглифов на камне удивительные и важные сведения. Этот эпизод еще долго тревожил бы меня, если бы последующие письма Айкли не ознаменовали собой начало совершенно новой фазы ужасной истории загадочных холмов, сразу же завладевшей моим вниманием.

Неведомые твари, сообщал мне Айкли в очередном письме, написанном сильно дрожащей рукой, начали осаждать его дом еще более решительно и агрессивно. Лай собак безлунными ночами теперь стал просто невыносимым, и были даже дерзкие попытки напасть на него на безлюдных дорогах в дневное время. Второго августа, когда он поехал в деревню, путь автомобилю преградило упавшее дерево – как раз в том месте, где шоссе углублялось в лесную чащу. Свирепый лай двух псов, сопровождавших его в поездке, выдал скрытное присутствие богомерзких тварей, и он даже не смел предположить, как бы все обернулось, не будь с ним собак. После этого случая, если ему надо было куда-то поехать, он брал с собой по крайней мере двух преданных мохнатых сторожей. Пятого и шестого августа случились новые дорожные происшествия: в первый раз выпущенная кем-то пуля оцарапала борт «форда», в другой – собачий лай сообщил о невидимом присутствии в лесной чаще мерзких тварей.

Пятнадцатого августа я получил взволнованное письмо, немало меня встревожившее; прочитав его, я подумал, что пришла пора Айкли наконец-то нарушить свой зарок молчания и обратиться за помощью в местную полицию. В ночь с двенадцатого на тринадцатое произошли ужасные события: за стенами его дома гремели выстрелы и свистели пули, и наутро он обнаружил трупы трех из двенадцати сторожевых псов. На дороге он увидел множество отпечатков клешней, среди которых заметил и следы башмаков Уолтера Брауна. Айкли телефонировал в Братлборо с намерением приобрести новых собак, но телефонная связь оборвалась, прежде чем он смог произнести первые слова. Тогда он отправился в Братлборо на автомобиле, и на телефонной станции узнал тревожную новость: кто-то аккуратно перерезал основной кабель там, где телефонная линия тянулась по безлюдным горам к северу от Ньюфана. Но он вернулся домой с четырьмя новыми волкодавами и несколькими коробками патронов для своего крупнокалиберного охотничьего ружья. Письмо было написано в почтовом отделении Братлборо, и я получил его без задержки.

К этому времени мое отношение к происходящим событиям изменилось: теперь они вызывали у меня не просто научный интерес, но и глубокое чувство тревоги. Я тревожился за Айкли, осажденного в уединенном доме, и немного за себя. Ведь теперь я был причастен к тайне странных обитателей вермонтских гор и просто не мог не думать о своей вовлеченности в опасную череду таинственных событий. Затянет ли меня трясина этой тайны, стану ли я ее жертвой? Отвечая на последнее письмо Айкли, я советовал ему обратиться за помощью к властям и намекнул вразумительно: если он не захочет ничего предпринимать, я смогу это сде-

лать сам. Я написал, что готов послушаться его запрета, лично приехать в Вермонт и изложить сложившуюся ситуацию представителям закона. В ответ, однако, я получил из Беллоуз-Фоллс короткую телеграмму следующего содержания:

ВЫСОКО ЦЕНЮ ВАШ ПОРЫВ НО НИЧЕГО НЕ МОГУ ПОДЕЛАТЬ
НЕ ПРИНИМАЙТЕ НИКАКИХ МЕР САМИ
ТАК МОЖЕТЕ ТОЛЬКО НАВРЕДИТЬ НАМ ОБОИМ
ЖДИТЕ ДАЛЬНЕЙШИХ РАЗЪЯСНЕНИЙ
ГЕНРИ АЙКЛИ

Но это ничуть не прояснило дела, скорее наоборот. После моего ответа я получил записку от Айкли, написанную дрожащей рукой и содержащую потрясающее откровение: он не только не посылал мне телеграмму, но и не получал моего письма, в ответ на которое она пришла. Спешное расследование, проведенное им в Беллоуз-Фоллс, обнаружило, что телеграмма была отправлена странным рыжеволосым мужчиной с необыкновенным голосом, «монотонно жужжащим». Клерк показал оригинал текста телеграммы, нацарапанный карандашом, но почерк был абсолютно незнакомым для Генри. Он обратил внимание, что в подписи была пропущена буква: А-Й-Л-И, без «К». Из этого можно было сделать вполне определенные выводы, но, будучи сильно взволнованным, Айкли не стал о них распространяться в письме. Помянул он о гибели еще нескольких собак и о покупке новых, а также о перестрелках, которые теперь постоянно случались в безлунные ночи. Он с неотвратимой регулярностью находил среди множества отпечатков клешней на дороге и во дворе позади дома следы Брауна и еще по меньшей мере одной или даже двух пар чьих-то башмаков. Дело, по словам Айкли, приняло совсем дурной оборот, и он намеревался вскоре перебраться в Калифорнию к сыну – даже вне зависимости от того, удалось бы ему продать старый дом или нет. Ему трудно было покинуть единственное место на земле, которое он считал своим родным, и он тянул время в надежде раз и навсегда отпугнуть непрошенных гостей и оставить попытки проникнуть в их тайны.

В ответном послании я вновь предложил Айкли содействие и повторил, что готов приехать к нему и помочь убедить власти в грозящей его жизни опасности. В очередном письме он, вопреки ожиданиям, уже не отвергал столь категорично предложенный план, но заявил, что хотел бы еще немного повременить, чтобы привести дела в порядок и свыкнуться с необходимостью навсегда покинуть дорогой его сердцу дом, к которому он относился с почти нездоровым благоговением. Люди всегда косо смотрели на его научные занятия, и было бы разумно не привлекать лишнего внимания к его внезапному отъезду, не возбуждая ненужных сомнений в его душевном здравии. По словам Айкли, он уже вдоволь натерпелся за последнее время и хотел бы по возможности капитулировать с достоинством.

Я получил от него письмо двадцать восьмого августа и тотчас ответил, постаравшись найти как можно более обнадеживающие слова. По-видимому, это подействовало на Айкли благотворно, ибо в очередном письме он не пустился в привычные описания ужасов; правда, не был он и излишне оптимистичным и выражал уверенность, что лишь благодаря полнолунию твари перестали тревожить его по ночам. Он надеялся, что в последующие ночи тучи не скроют яркую луну, и уклончиво сообщил о намерении снять меблированную комнату в Братлборо, когда луна пойдет на убыль. Я вновь написал ему ободряющее письмо, но пятого сентября получил от него новое послание, отправленное явно ранее моего. И на это письмо я никак не мог ответить в столь же ободряющем тоне. Ввиду важности сообщения хочу привести его здесь полностью. Итак, вот содержание письма.

Понедельник

Уважаемый Уилмарт,

направляю Вам довольно мрачный P.S. к последнему письму. Прошлой ночью все небо заволокло густыми тучами (но дождь так и не пошел) и луны не было видно. Ситуация заметно ухудшилась. Думаю, развязка уже близка, как бы мы ни надеялись на лучшее. После полуночи что-то шумно упало на крышу дома, отчего собаки всполошились и выбежали во двор. Я слышал топот их лап и лай, а потом одна ухитрилась запрыгнуть на крышу с пристройки. Там началась ожесточенная схватка, я услышал жуткое жужжание, которого мне никогда не забыть. А потом я почувствовал отвратительную вонь. И в этот самый момент по моим окнам начали стрелять, и я едва увернулся от пуль. Думаю, что основной отряд горных тварей подошел вплотную к дому, выбрав момент, когда часть собачьей стаи отвлек шум на крыше. Что там произошло, я не знаю, но боюсь, что твари теперь приноровились использовать для передвижения свои гигантские крылья. Я зажег лампу и начал палить в окна из ружья, стараясь направлять ствол повыше, чтобы не попасть случайно в собак. Поначалу я решил, что это помогло и опасность миновала. Но наутро я обнаружил во дворе большие лужи крови, а рядом с ними – лужи зеленоватого студенистого вещества, отвратительно пахнувшего. Я забрался на крышу; там тоже были студенистые лужи. Погибло пять собак. Боюсь, одну из них застрелил я сам, когда направил ствол ружья слишком низко: на спине у нее зияла пулевая рана. Сейчас я меняю оконные рамы, поврежденные выстрелами, и собираюсь поехать в Братлборо за новыми собаками. Не удивлюсь, если хозяин собачьего питомника считает меня сумасшедшим. Чуть позднее черкну еще пару слов. Думаю, буду готов к переезду недели через две, хотя сама мысль об этом меня просто убивает.

Извините, что пишу второпях!

С уважением, Айкли

На следующее утро – то есть шестого сентября – я получил еще одно письмо, на сей раз выведенное дрожащей, точно в лихорадке, рукой. Оно обескуражило меня настолько, что я места себе не мог найти. Попробую воспроизвести этот непростой и в высшей степени тревожащий текст по памяти.

Вторник

Тучи не рассеялись, луны опять нет; впрочем, она уже пошла на убыль. Я бы снова подключил в доме электричество и выставил прожектор, но уверен: стоит починить провода, как они их сразу же опять перережут.

Мне кажется, что я схожу с ума. Возможно, все, о чем я писал Вам ранее, – всего лишь дурной сон или плод помраченного рассудка. Раньше было плохо, но на этот раз хуже уже некуда. Они разговаривали со мной прошлой ночью мерзкими жужжащими голосами, и я просто не смею повторить то, что услышал. Эти голоса перекрывали собачий лай, но однажды, когда лай их заглушил, заговорил человеческий голос... Не связывайтесь в это, Уилмарт: все обстоит куда хуже, чем мы с Вами думали. Теперь они не позволят мне переехать в Калифорнию – они хотят забрать меня живым или в том состоянии, которое можно условно назвать «интеллектуально живым», и увезти не только на Юггот, но и еще дальше: за пределы галактики, а возможно, и за искривленный оком космического пространства. Я заявил, что не соглашусь последовать туда, куда они намерены – или предлагают – меня забрать, но боюсь, теперь все бесполезно. Мое жилище стоит на отшибе, и они очень скоро придут сюда снова – либо днем, либо ночью. Я потерял еще шесть собак и отчетливо ощущал присутствие тварей на лесистых участках дороги, когда ехал сегодня в Братлборо. Напрасно я отправил Вам запись и черный камень! Уничтожьте восковой валик, пока не поздно. Черкну Вам еще завтра, если буду жив. Ах, если бы мне удалось снять комнату в Братлборо и перевезти туда свои вещи и книги! Если б мог, я бы сбежал отсюда, бросив все, но некая внутренняя сила удерживает меня здесь. Конечно, я могу тайком ускользнуть в Братлборо, где окажусь в без-

опасности, но я буду пленником и там. Думаю, теперь мне не удастся спастись от них, даже если я все брошу и попытаюсь бежать. Все слишком ужасно. Не связывайтесь в это дело!

Искренне Ваш, Айкли

Получив это жуткое письмо, я всю ночь не мог сомкнуть глаз, теперь уже вконец усомнившись в душевном здоровье Айкли. То, что он писал, было полным безумием, хотя манера изложения – принимая во внимание все предшествующие события – отличалась мрачной силой убедительности. Я даже не стал писать ему, решив дождаться, когда Айкли сыщет время ответить на мое предыдущее письмо. На следующий день его ответ пришел, и изложенные в нем самые свежие новости затмили все разумные доводы, приведенные мной в предыдущем послании. Вот что я запомнил из того текста, написанного в лихорадочной спешке нетвердым пером со многими помарками.

Среда

Получил Ваше письмо, но больше нет смысла что-либо обсуждать. Я сдался. Странно, что мне еще достаёт силы воли сражаться с ними. Мне не спастись, даже если я решу все бросить и сбежать. Они все равно доберутся до меня где угодно.

Вчера получил от них письмо – его принес почтальон, пока я был в Братлборо. Написано и отослано из Беллоуз-Фоллс. Сообщают, что намерены со мной сделать, – но я не могу этого повторить. Вам тоже следует опасаться! Уничтожьте запись! Ночное небо все в тучах, а от луны остался тонкий месяц. Если бы кто-то мне помог! Это могло бы укрепить мою силу воли. Но любой, кто осмелится прийти ко мне на помощь, назвал бы меня безумцем, не найдя веских доказательств моей правоты. Мне даже некого попросить приехать ко мне без всякого повода – ведь я ни с кем не поддерживаю связь уже многие годы.

Но Вы еще не знаете самого плохого, Уилмарт. Крепитесь, ибо Вам предстоит шок... Говорю как на духу, как перед Богом: я видел одну из тварей и дотрагивался до нее – точнее, до ее конечности. Боже, как это ужасно! Разумеется, она была мертва. Ее загрыз один из моих псов, и я нашел ее труп около псарни сегодня утром. Я попробовал сохранить тело в сарае, чтобы показать людям и убедить их в своей правоте, но через несколько часов она испарилась! От нее ничего не осталось. Вы же помните, что мертвых тварей, всплывших в реках, видели только в первое утро наводнения... Но вот самое страшное. Я попытался ее сфотографировать для Вас, но на проявленной карточке ничего не было видно, кроме сарая. Из чего же сделана эта тварь? Я видел ее и трогал ее, и все они оставляют следы на земле. Она явно материального происхождения – но что это за материал? И форму ее я не могу описать. Это был гигантский краб с туловищем из густого студенистого вещества, составленным, точно пирамида, из множества плотных колец или узлов, покрытых множеством щупалец в том месте, где у человека находится голова. А зеленое студенистое вещество является их кровью или живительным соком. И таких тварей на земле с каждой минутой становится все больше и больше.

А Уолтер Браун пропал – никто больше не видел его. Наверное, я подстрелил его из ружья, а эти твари обычно утаскивают с собой своих убитых и раненых.

Сегодня доехал до поселка без приключений. Но боюсь, они просто перестали меня преследовать, ибо уже не сомневаются в моей покорности. Пишу эти строки на почте в Братлборо. Может, это мое прощальное письмо – если так, то свяжитесь с моим сыном по адресу: Джордж Гуденаф Айкли, Плезант-стрит, 176, Сан-Диего, штат Калифорния, – но сами сюда не приезжайте! Напишите моему мальчику, если в течение недели от меня не будет никаких известий, и следите за новостями в газетах!

А теперь я намерен выложить свои последние два козыря – если мне хватит на это силы духа. Во-первых, попробую воздействовать на тварей ядовитым газом (у меня есть все необ-

ходимые химикаты, и я смастерил противогазы для себя и для собак), а потом, если и это не подействует, расскажу обо всем нашему шерифу. Меня могут, конечно, поместить в психиатрическую лечебницу, но это лучше, чем судьба, уготовленная мне этими чудовищами... Возможно, мне удастся уговорить власти обратить пристальное внимание на следы вокруг дома. Они едва заметны, но я нахожу их каждое утро. Впрочем, предполагая, что полиция скажет, будто это я сам все подстроил, – ведь все считают меня чудаком.

Надо вызвать кого-нибудь из полиции штата и уговорить провести тут ночь и все увидеть своими глазами – хотя не исключая, что твари об этом прознают и именно в эту ночь не станут мне докучать. Ночью они перерезают телефонные провода всякий раз, когда я пытаюсь вызвать подмогу; на телефонной станции считают все это весьма странным, и они могли бы подтвердить мои слова, если бы не подозревали, что я сам и порчу провода. Вот уже целую неделю я даже не пытаюсь вызвать мастера для восстановления телефонной связи.

Я мог бы убедить кое-кого из наших неграмотных стариков засвидетельствовать реальность этих ужасов, но у нас над ними только смеются... впрочем, даже старики давно уже обходят мой дом стороной, так что им ничего не известно о последних событиях. Вы самого никчемного из этих невежд фермеров не заставите подойти к моему дому ближе чем на милю! Почтальон рассказывал, как они отзываются обо мне и какие шуточки отпускают на мой счет. Боже! Если бы я мог его убедить в реальности всего этого! Возможно, стоило показать ему следы на дороге, но он разносит почту после полудня, а к этому времени следы уже исчезают. И даже если я сумею сохранить хоть один след, поместив над ним коробку или тазик, он, конечно же, сочтет, что это подлог или шутка.

Можно лишь пожалеть, что я жил таким бирюком и соседи не заходили ко мне в гости, как бывало прежде. Я никому не показывал ни тот черный камень, ни фотоснимки и не проигрывал запись – за исключением лишь малограмотных стариков: остальные сказали бы, что это розыгрыш, и подняли бы меня на смех. Надо показать кому-нибудь фотографии. На них отпечатки клешней вышли очень четко, хотя мне не удалось сфотографировать самих тварей. Как досадно, что никто не видел эту мертвую тварь сегодня утром до того, как она обратилась в ничто!

Но теперь мне все равно. После всего, через что я прошел, сумасшедший дом для меня ничем не хуже, чем любое другое место. Доктора помогут мне решиться на продажу дома, а это именно то, что может меня спасти.

Напишите моему сыну Джорджу, если от меня долго не будет вестей. Прощайте, уничтожьте запись и не связывайтесь ни во что.

Айкли

Честно говоря, это признание ужаснуло меня несказанно, породив самые мрачные мысли. Я не знал, что ему ответить, но все же нацарапал несколько беспомощных фраз ободрения и отправил письмецо заказной почтой. Помнится, я всячески советовал Айкли немедленно переехать в Братлборо и обратиться за защитой к местным властям, добавив, что приеду туда с фонографической записью и помогу доказать в суде его вменяемость. И еще я, кажется, написал, что пришло время предупредить людей об опасности, грозящей им с появлением этих тварей. Надобно сказать, что в ту минуту сильнейшего волнения моя собственная вера во все, что поведал мне Айкли, была почти полной и безоговорочной, хотя и промелькнула мысль, что неудачная попытка сфотографировать мертвое чудовище объясняется не столько капризом природы, сколько его собственной оплошностью.

IV

А днем в субботу, 8-го сентября, по-видимому опередив мою кратенькую записку, от него пришло еще одно письмо – аккуратно напечатанное на новенькой пишущей машинке и выдержанное в совершенно ином, на диво спокойном и умиротворенном тоне, причем Айкли радушно приглашал меня приехать. Это письмо стало неожиданным поворотным пунктом в развитии всей этой кошмарной драмы. Я приведу его по памяти и постараюсь (не без причины!) как можно точнее передать особенности его стиля. Судя по штемпелю на конверте, оно было отправлено из Беллоуз-Фоллис; на машинке был отпечатан не только сам текст, но даже и подпись, как это нередко делают люди, только-только овладевшие навыками машинописи. В тексте не было ни единой опечатки, что необычно для новичка, и я заключил, что Айкли и прежде пользовался пишущей машинкой – наверное, еще в колледже. Честно говоря, я прочитал это письмо с великим облегчением, хотя и не смог до конца избавиться от некоей смутной тревоги. Если Айкли сохранил здравый рассудок после всех описанных им ужасов, был ли он в здравом рассудке теперь, по факту избавления от своих наваждений? И помянутое им *налаживание интеллектуального взаимопонимания* – что он под этим подразумевал? Словом, все в этом послании говорило о радикальной смене настроения Айкли. Но вот содержание письма, точно восстановленного по памяти, которой я весьма горжусь.

Таунишенд, штат Вермонт

Четверг, 6 сент. 1928 г.

Дорогой Уилмарт,

с радостью должен успокоить Вас относительно всех тех глупостей, которые я Вам написал. Я говорю «глупости», подразумевая свое продиктованное страхом отношение к происходящему, а не описание определенных явлений. Эти явления реальны и безмерно важны; ошибкой было мое неправильное отношение к ним. Думаю, я упоминал, что мои странные визитеры уже предпринимали попытки вступить в общение со мной, и вот наконец-то прошлой ночью разговор с ними состоялся. В ответ на определенные звуковые сигналы я принял в доме посланца этих существ (спешу уточнить: человека). Он рассказал такие вещи, которые ни Вам, ни мне не могли даже в голову прийти, и ясно дал понять, насколько глубоко мы заблуждались относительно Пришлых и насколько неверно истолковали цель нахождения их тайной колонии на нашей планете. Похоже, все злонамеренные небыллицы о том, что они предлагают людям и чего хотят достичь на Земле, – целиком и полностью результат невежественного непонимания их аллегорической речи (понятное дело, сформировавшейся на основе их культуры и интеллектуальных устоев, жутко далеких от самых смелых наших грез). Мои собственные умозаключения, признаюсь откровенно, были столь же ложны, как и любые догадки нашей невежественной деревенщины и диких индейцев. То, что мне представлялось постыдным и богомерзким, на деле вызывает благоговейный восторг, если не сказать – восхищение, и расширяет наши представления о мире. Мои прежние оценки были всего лишь проявлением извечной склонности человека ненавидеть, опасаться и сторониться всего необычного.

Теперь я могу лишь сожалеть о том вреде, который я причинил этим удивительным внеземным существам в ходе наших ночных стычек. Как жаль, что с самого начала я не догадался мирно и благоразумно побеседовать с ними! Но они не держат на меня злобы, ибо их эмоциональная организация весьма отличается от нашей. На беду, они выбрали в качестве своих агентов в Вермонте недостойные образчики рода человеческого – каким, к примеру, был ныне покойный Уолтер Браун. Это он заставил их отнестись ко мне с предубеждением. Вообще-то они никогда сознательно не причиняли людям вреда, но часто сами становились жертвами злонамеренных оговоров и преследований со стороны нас, землян. Поньне активен

тайный культ грешников (такой человек, как Вы, обладающий глубокими познаниями в области мистической науки, поймет меня, если я скажу, что этот культ связан с Хастуром и Желтым Знаком), посвятивших себя отслеживанию и убийству их по указке чудовищных сил, господствующих в иных измерениях. Именно против таких воинственных выродков – а вовсе не против нормальных людей – направлены строгие меры предосторожности Пришлых. Случайно я узнал, что многие наши потерянные письма были украдены вовсе не Пришлыми, но эмиссарами жрецов этого греховного культа.

Все, что нужно Пришлым от человека, – это мир, невмешательство в их дела и неуклонно улучшающееся интеллектуальное взаимопонимание. Это последнее совершенно необходимо теперь, когда новейшие изобретения и механизмы расширяют наше знание и улучшают способы передвижения, что представляет возрастающую угрозу для тайных колоний Пришлых на нашей планете. Внеземные существа хотят, во-первых, лучше изучить человечество и, во-вторых, дать возможность избранным философам и ученым Земли узнать о них как можно больше. Благодаря такому взаимному обмену знаниями все невзгоды уйдут в прошлое и установится благоприятный *modus vivendi*⁷. Сама же идея об их стремлении поработить или уничтожить человечество просто смехотворна.

В знак такого улучшения взаимопонимания Пришлые выбрали меня – обладающего уже довольно значительным багажом знаний о них – своим главным агентом на Земле. Много я узнал прошлой ночью (факты поразительного и многообещающего свойства!), и вскоре мне будет сообщено куда больше как устно, так и письменно. Меня не призывают прямо сейчас покинуть Землю, – хотя в будущем я, возможно, захочу совершить такое путешествие, для чего мне придется прибегнуть к особым средствам и пережить такое, что превосходит все то, что мы до сих пор привыкли считать человеческим опытом. Больше они не будут подвергать мой дом осаде. Все вернулось к нормальному состоянию. И моим собакам больше не надо меня сторожить. Теперь вместо ужаса мне обещаны полные сокровищницы знаний и интеллектуальные приключения, познанные редкими смертными.

Пришлые – вероятно, самые чудесные органические существа во всем космосе и за его пределами; это представители расы, в сравнении с которой все иные формы жизни являются лишь тупиковыми ветвями. Они скорее растительной, нежели животной природы, если только в этих терминах можно описать субстанцию, из которой они созданы, и имеют грибовидную структуру, хотя наличие хлорофиллоподобного вещества и очень необычной пищеварительной системы разительно отличает их от всех обычных листостебельных грибов. В сущности, данный тип существ создан из уникальной разновидности материи, не встречающейся на нашей планете; ее электроны имеют иной коэффициент вибрации. (Вот почему эти существа не отображаются на обычной пленке или фотопластинке, хотя мы и видим их глазами. Впрочем, при должном знании любой хороший химик способен создать особую фотозмульсию, с помощью которой можно будет запечатлеть их изображения.)

Эти существа уникальны в своем умении перемещаться в стылom безвоздушном пространстве, сохраняя телесную форму, а некоторые их разновидности могут это делать с помощью механических устройств, подвергнувшись любопытной хирургической операции. Лишь немногие виды имеют крылья, резистентные к космическому эфиру, что характерно именно для вермонтской разновидности. Существа же, населяющие наиболее удаленные горные пики Старого Света, попали на Землю иначе. Их внешнее сходство со зверями и сходство их структуры с тем, что у нас называется материей, есть результат параллельной эволюции, а не генетического родства. Способности их мозга превосходят способности любой из существующих ныне форм земной жизни, хотя крылатое семейство обитателей здешних гор вовсе не принадлежит к высокоразвитой разновидности. Телепатия является их обычным

⁷ Уклад жизни (лат.).

способом общения, однако они имеют рудиментарные органы речи, а потому после несложной операции (кстати, все эти существа обладают навыками хирургии, которую они довели до высочайшего совершенства) могут более или менее точно копировать речь тех разнообразнейших органической жизни, которые для общения все еще пользуются языком. Основное место их обитания – до сих пор еще не открытая и пребывающая во мраке планета на самом краю нашей Солнечной системы, позади Нептуна. Как мы с Вами и предполагали, эта девятая от Солнца планета в некоторых древних запретных книгах имеет мистическое имя Юггот, и довольно скоро она станет источником концентрированного потока мысли, направленного на нашу планету с целью налаживания интеллектуального взаимопонимания. Не удивлюсь, если астрономы когда-нибудь смогут зафиксировать эти мыслепотоки и откроют Юггот, когда Пришлые этого пожелают. Но Юггот, разумеется, всего лишь перевалочный пункт. Основная масса существ населяет странно организованные миры, которые не дано постичь человеческому воображению. Та пространственно-временная сфера, которую мы принимаем за единую космическую сущность, – это лишь атом в бесконечности, где они существуют. И многие глубины этой бесконечности, которые только может постигнуть человеческий разум, рано или поздно откроются мне точно так же, как они открылись не более чем пяти десяткам выдающихся людей за всю историю человечества.

Вам, Уилмарт, все это поначалу покажется, возможно, безумием, но со временем Вы сполна оцените всю значимость дарованного мне феноменального шанса. Я хочу по возможности поделиться этим шансом с Вами, вот почему мне нужно поведать Вам в личной беседе нечто такое, чего нельзя доверить бумаге. Ранее я наотрез отказывал Вам сюда приезжать. Но теперь, обретя полную безопасность, я с радостью отказываюсь от своего запрета и приглашаю Вас к себе.

Вы сможете приехать до начала очередного семестра в колледже? Было бы просто чудесно, если бы Вам это удалось. Захватите с собой фонографический валик с записью и все мои письма, чтобы мы вместе могли восстановить последовательность событий этой грандиозной истории. Привезите также и фотоснимки, так как я в этой суматохе куда-то задевал негативы и свои копии отпечатков. Знали бы Вы, какое обилие новых фактов я могу сейчас прибавить к своим прошлым догадкам и гипотезам – и каким потрясающим устройством я обладаю в дополнение к этим фактам!

Даже не сомневайтесь! Теперь за мной никто не шпионит, и Вы не найдете тут ничего сверхъестественного или пугающего. Просто приезжайте (на вокзале в Братлборо Вас будет ждать мой автомобиль) и приготовьтесь пробыть у меня столько, сколько пожелаете! Нас ждут многие вечера увлекательных бесед о вещах, не подвластных человеческому пониманию. Но, разумеется, никому об этом не рассказывайте, ибо это не должно стать достоянием бестолковой публики.

Железнодорожное сообщение с Братлборо вполне надежно; можете ознакомиться с расписанием поездов в Бостоне. Садитесь на поезд Бостонско-Мэнской ветки до Гринфилда, там сделайте пересадку, после чего нужно будет проехать еще несколько станций. Рекомендую удобный поезд в 16:10 из Бостона. Он прибывает в Гринфилд в 19:35, откуда в 21:19 отправляется поезд на Братлборо, поспевающий к 22:01. Это расписание для будних дней. Сообщите мне дату Вашего приезда, чтобы я приготовил автомобиль для Вас на вокзале.

Извините, что печатаю письмо на машинке, но в последнее время, как Вам известно, моя рука стала нетверда, и мне трудно писать длинные тексты. Я приобрел эту «Корону» вчера в Братлборо – похоже, машинка в рабочем состоянии.

Жду от Вас вестей и надеюсь вскоре увидеть Вас лично, а также фонографический валик, все мои письма и фотоснимки.

Остаюсь Ваш, в предвкушении встречи,

Генри У. Айкли

*Альберту Н. Уилмарту, эск.
в Мискатоникский университет,
г. Аркхем, штат Массачусетс*

Не могу описать, насколько же сложные эмоции нахлынули на меня, когда я читал, перечитывал и обдумывал это в высшей степени удивительное и, прямо скажу, неожиданное письмо. Как уже было сказано, я почувствовал одновременно великое облегчение и тревогу. Но эти слова могут лишь весьма приблизительно описать сложные нюансы различных и по большей части подсознательных движений души, вызвавших и мое облегчение, и мою тревогу. Начать с того, что послание полностью противоречило описанным в предыдущих письмах жутким кошмарам, и ничто не предвещало полной перемены настроения – перехода от голого ужаса к невозмутимому благодущию и даже восторженной экзальтации. Я едва ли мог поверить, что столь мгновенная перемена в душевном состоянии человека, направившего мне нервический отчет о страшных событиях среды, могла произойти всего за один день, какие бы радостные открытия ему ни довелось пережить в ночь на четверг. В какие-то моменты ощущение явной ирреальности рассказа заставляло меня гадать, не было ли его маловразумительное описание космической драмы с участием фантастических существ чем-то вроде галлюцинации, родившейся в моем собственном сознании... Но потом я вспомнил о фонографической записи – и озадачился еще больше.

Я мог ожидать от Айкли чего угодно, но только не такого аккуратно напечатанного на машинке письма. Проанализировав свои впечатления, я пришел к двум основным выводам. Во-первых, допуская, что Айкли был и остается нормален, произошедшая смена его умонастроения виделась чересчур молниеносной, а потому уж очень неправдоподобной. Во-вторых, изменения в общем настроении, в отношении к жизни и даже в стилистике письма были столь же неестественны и непредсказуемы. В личности Айкли, казалось, произошла болезненная перемена – столь глубокая, что представлялось невероятным, будто обе фазы его душевного состояния в равной степени демонстрировали душевное здоровье.

Выбор слов, орфография – *всё* было другим! С моим тонким чувством прозаического стиля, приобретенным за долгие годы университетских занятий, мне было легко отметить глубокие различия в строении самых простых фраз и в общем ритмическом рисунке письма. Должно быть, он впрямь пережил сильнейшее эмоциональное потрясение или откровение, которое вызвало столь радикальный переворот в его сознании! С другой же стороны, это вполне соответствовало характеру Айкли. Все та же тяга к бесконечности – пытливость ученого ума... Я ни на мгновение не мог допустить мысли, что это письмо – фальшивка или злонамеренный розыгрыш. И разве само его приглашение – то есть именно *желание*, чтобы я лично удостоверился в правдивости его слов, – не доказательство подлинности письма?

Всю ночь субботы я просидел в раздумьях о тайнах и чудесах, маячивших за строками полученного мною письма. Мой разум, утомленный быстрой сменой чудовищных теорий, с которыми он вынужден был столкнуться в последние четыре месяца, анализировал этот удивительный новый материал то с сомнением, то с доверием, которые сопровождали меня на протяжении всего моего знакомства с этими диковинными событиями. И вот уже ближе к рассвету жгучий интерес и любопытство постепенно преодолели разыгравшуюся в моей душе бурю замешательства и тревоги. Безумец Айкли или нет, пережил ли он глубокий душевный перелом или просто испытал огромное облегчение – все равно было ясно, что он и впрямь совершенно иначе стал относиться к своим рискованным изысканиям. Перемена поборолла ощущение опасности – реальной или воображаемой – и одновременно открыла ему головокружительные просторы космического сверхчеловеческого знания. Моя страсть к неведомому вспыхнула с новой силой, и я словно заразился его желанием разъять преграды познанного, сбросить с себя отупляющие, сводящие с ума оковы времени, пространства и природы, ощутить единство с безгра-

ничным лоном космоса и приобщиться к темным секретам универсума, к абсолютным типам знания. Конечно же, ради этого стоило рискнуть жизнью, душой и здравомыслием! К тому же, как сказал Айкли, опасности больше нет – не зря же он пригласил меня приехать к нему, хотя раньше умолял этого не делать. Я трепетал при мысли о том, что Айкли собрался поведать мне о неслыханных чудесах, и ощущал невыразимое волнение, представив, как окажусь в уединенном фермерском доме, совсем недавно пережившем жуткую осаду Пришлых, и буду беседовать с человеком, общавшимся с настоящими посланцами космоса; и как мы будем вновь прослушивать ту жуткую запись и перечитывать письма, в которых Айкли поделился со мной своими первыми соображениями...

Итак, воскресным утром я телеграфировал Айкли, что встречу с ним в Братлборо в следующую среду, двенадцатого сентября, если его это устраивает. Лишь в одном пункте я не последовал предложенному им плану действий, а именно в выборе поезда. Честно говоря, меня не прельщала перспектива прибыть в мрачную вермонтскую глушь поздним вечером, поэтому я телефонировал на станцию и заказал билеты на другое время. Встав рано утром, я мог доехать до Бостона поездом в 8:07 и успеть на поезд, который отправлялся в 9:25 и прибывал в Гринфилд в 12:22. Далее меня ожидала очень удобная пересадка на экспресс до Братлборо в 13:08; это меня устраивало куда больше, чем встреча с Айкли на вокзале в начале одиннадцатого вечера и долгая поездка под покровом тьмы среди таинственных сумрачных гор.

Я телеграфировал Айкли свое решение и из ответной телеграммы, пришедшей ближе к вечеру, с радостью узнал, что это вполне стыковалось с планами моего гостеприимного хозяина. Его ответ гласил:

ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ВАРИАНТ УСТРАИВАЕТ
ВСТРЕЧУ ПОЕЗД
НЕ ЗАБУДЬТЕ ЗАПИСЬ ПИСЬМА И СНИМКИ
ЗДЕСЬ ВСЕ СПОКОЙНО
ЖДИТЕ ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ
АЙКЛИ

Получив незамедлительный ответ на мою телеграмму, которую ему из Тауншенда либо доставил домой почтальон, либо зачитали по телефону – линию, как я надеялся, уже восстановили, – я окончательно отменил все смутные сомнения насчет авторства предыдущего письма, столь поразившего меня. Теперь я был абсолютно спокоен – по причине, которую вряд ли смог бы объяснить. Но как бы то ни было, все мои сомнения были отброшены. В ту ночь я быстро уснул и крепко проспал до самого утра, а в последующие два дня с энтузиазмом готовился к поездке.

V

В среду, как и было уговорено, я отправился на вокзал, захватив с собой саквояж с личными вещами и нашим научным архивом, включавшим фонографическую запись, фотоснимки и папку с полным комплектом писем Айкли. Выполняя его волю, я никому ни словом не обмолвился о том, куда еду, понимая, что это дело требует полной приватности, даже если все обернется вполне благоприятным образом. Сама мысль о реальном контакте с иноземными существами была слишком ошеломительна даже для моего тренированного и готового ко многим открытиям мозга; если бы такой контакт произошел, какой эффект событие могло бы оказать на мозги ничего не подозревающих обывателей? Сам не знаю, какое чувство я испытывал более – ужаса или жажды приключений, когда после пересадки в Бостоне началось мое долгое путешествие на северо-запад и поезд помчал меня прочь от знакомых мест к городкам,

о которых я знал лишь по названиям на географической карте. Уолтем... Конкорд... Эйр... Фитчбург... Гарднер... Эйтол...

Мы прибыли в Гринфилд с семиминутным опозданием, но экспресс в северный район, на который мне предстояло пересесть, к счастью, задержали. Делая пересадку впопыхах, я ощущал беспричинное волнение, когда смотрел, как освещаемый лучами утреннего солнца поезд направляется в ту часть страны, о которой я много читал, но где еще ни разу не бывал. Я думал о том, что скоро окажусь в ветхозаветной Новой Англии, куда более примитивной, чем механизированные и урбанизированные восточные и южные штаты, в которых прошла вся моя жизнь, – в девственной старомодной стране без иммигрантов и фабричного дыма, без придорожных реклам и бетонных змей шоссе, привычных в частях страны, завоеванных цивилизацией модерна. Я готовился воочию увидеть чудесные проявления неизменного на протяжении веков жизненного уклада, который, в силу глубокой укорененности в местных обычаях, дал самобытные всходы, оживляя странные стародавние воспоминания и создавая плодородную почву для сумрачных фантастических и редко упоминаемых поверий.

За окном я видел искрящиеся под полуденным солнцем голубые воды реки Коннектикут; и когда, выехав из Нортфилда, мы пересекли их по мосту, впереди замаячили поросшие лесами таинственные горы. Я узнал у проводника, что наконец-то мы в Вермонте. По его наставлению я перевел свой хронометр на час назад, поскольку жители северной части вермонтского высокогорья отказывались подчиниться новомодному установлению на здешней территории поясного времени. И когда я перевел стрелки часов вспять, мне подумалось, что одновременно я перелистнул календарь на столетие назад.

Железнодорожное полотно бежало вплотную к руслу реки, и на противоположном берегу, в Нью-Гемпшире, я различил склоны крутых кряжей Вантастикета, о коих сложена не одна старинная легенда. Потом слева по ходу поезда показались улицы, а справа посреди реки мелькнул зеленый островок. Пассажиры встали с мест и потянулись к выходу, и я следом за ними. Поезд остановился; я вышел на крытую платформу вокзала Братлборо.

Увидев на привокзальной площади ряды автомобилей, я принялся искать глазами «форд» Айкли, но меня опередили. Впрочем, встречавший меня джентльмен, который бросился ко мне с протянутой рукой и вежливо поинтересовался, не я ли мистер Альберт Уилмарт из Аркхема, явно Айкли не являлся, не имея ни толики сходства с седобородым ученым на фотографии. Мужчина выглядел куда моложе, и на его лице виднелись лишь небольшие темные усики; он был модно одет и имел вполне светские манеры. Звучание его хорошо поставленного приятного голоса навеяло некие смутные и отчасти тревожные воспоминания, хотя я никак не мог припомнить, где я его слышал.

Пока я его разглядывал, он представился другом моего будущего хозяина, который поручил ему приехать из Тауншенда встретить меня. Айкли, добавил он, внезапно слег с жестоким приступом астмы и не может долго находиться на свежем воздухе. Впрочем, джентльмен поспешил заверить меня, что болезнь не слишком серьезная и на моем визите никак не отразится. Я не смог уяснить, насколько хорошо мистер Даннет⁸ – так он представился – знаком с научными занятиями и открытиями Айкли; судя по его виду и поведению, они, видимо, познакомились совсем недавно. Вспомнив, каким затворником жил Айкли, я был несколько удивлен столь неожиданным появлением у того подобного знакомого. Поборов замешательство, я уселся в автомобиль, к которому меня подвел Даннет. Вопреки моим ожиданиям, это был не старенький драндулет, о котором не раз упоминалось в письмах Айкли, а большой, сверкающий новой краской автомобиль свежей модели – явно принадлежащий Даннету, с массачусетскими номерными знаками, украшенными забавной эмблемкой «священной трески», приме-

⁸ В оригинале – mr. Noyes, т. е. “no yes”, отчетливое «нет-да», указывающее на фиктивность имени.

той нынешнего года⁹. Из этого я заключил, что мой провожатый – один из тех самых дачников, что приезжают в Тауншенд на лето.

Даннет сел за руль и включил зажигание. Я был рад, что он не пустился в дальнейшие разговоры, – из-за возникшего замешательства я не был склонен к беседам. Освещенный лучами послеполуденного солнца, город выглядел весьма привлекательно. Одолев краткий подъем, автомобиль свернул вправо и покатил по главной улице. Это был типичный сонный городишко в Новой Англии, какие памятливы нам с детства, и нагромождение черепичных крыш, церковных шпилей, печных труб и кирпичных стен словно коснулось потаенных струн моей души, пробудив давно спящие чувства. Я будто очутился в заколдованном краю, в котором скопилась целая груда нетронутых временем сокровищ, – в краю, где древние чудаковатые обычаи и привычки заплучили право свободно развиваться и оставаться в неприкосновенности, ибо никто их тут не тревожил.

Когда мы выехали из Братлборо, мое нервное напряжение и мрачные предчувствия только усилились, ибо затерянный в дымке гористый пейзаж с подступающими к шоссе грозными лесными чащами и гранитными утесами невянятно намекал на мрачные секреты и достопамятные обычаи, исполненные враждебности к человеку. Теперь шоссе бежало вдоль широкой обмелевшей реки, стекавшей с безымянного холма на севере, и я невольно поежился, когда мой спутник сообщил, что это Вест-ривер: я помнил, что именно в ней, как писали газеты, после наводнения видели труп одного из жутких крабовидных существ.

Постепенно окружающий пейзаж становился все более дик и пустынен. Архаичные крытые мосты, словно пугающие часовые седой старины, виднелись в прогалинах между горами, а над заброшенной железнодорожной веткой, что тянулась вдоль речного русла, казалось, витал туманный дух запустения. Я изумлялся поразительной красоте бескрайних долин, утыканных одинокими утесами, – прославленный новоанглийский гранит казался ядовито-серым сквозь венчавшую горные хребты зелень. Я видел ущелья, где своенравные ручьи низвергались с каменных порогов, неся вниз к реке невообразимые тайны тысяч непроходимых пиков. От шоссе то и дело от ответвлялись узкие, еле видные в траве, проселки, пробирающиеся сквозь зеленые преграды лесов, где среди древних стволов, наверное, прятались целые сонмы древних духов стихий. Оглядываясь вокруг, я невольно вспоминал страшные рассказы Айкли о нападении на него незримых посланцев во время поездок по этому шоссе – и уже не удивлялся, что такое возможно.

Тихая живописная деревня Ньюфан, до которой мы добрались через час пути, была последним связующим звеном с тем миром, который человек мог бы по праву назвать своим, ибо полновластно господствовал в нем. После Ньюфана мы словно расторгли всю связь со знакомыми, осязаемыми и подвластными времени предметами – и углубились в фантастический мир безмолвной ирреальности, где узкая ленточка дороги то карабкалась вверх, то сбегала вниз, то вилась, точно по чьему-то намеренному капризу, среди тихих зеленых пиков и полузаброшенных долин. Не считая мерного рокота тракторов и еле слышных криков живности на редких фермах, которые время от времени попадались нам по пути, единственным звуком, долетавшим до моего слуха, было торопливое бормотание диковинных вод в невидимых родниках в лесных чащобах. Вблизи от вида гор, издали казавшихся похожими на миниатюрные круглоглавые кексы, поистине захватывало дух. Крутые скалистые склоны оказались еще более величественными, чем я их себе представлял с чужих слов, и с такими величавыми исполинами ничто в привычном нам прозаическом мире не шло ни в какое сравнение. Густые леса, покрывшие недоступные горные склоны, где не ступала нога человека, казалось, скрывали невероятных неведомых существ, и я чувствовал, что даже очертания здешних гор таили

⁹ Автомобильные номера, выпущенные в Массачусетсе в 1928 году, кроме обычных буквенных и цифровых обозначений включали изображение «священной трески» – символа штата.

странный и давным-давно позабытый смысл, словно то были гигантские иероглифы, оставленные для нас легендарной расой титанов, чья слава еще жива лишь в редких глубоких снах. Все предания прошлого и все безумные намеки из исповедей Генри Айкли промелькнули в моей памяти, чтобы еще более сгустить тревожную атмосферу напряжения и гнетущего чувства опасности. Мрачная цель моего визита, как и предвкушение пугающих открытий сверхъестественного свойства, внезапно вызвали в моей душе мертвящий холод, который сразу умерил жар ожидания странных откровений.

Мой проводник, должно быть, заметил мое волнение: едва дорога, углубляясь в лесную чащу, стала совсем ухабистой и автомобиль сбавил скорость и запрыгал по рытвинам, его редкие вежливые комментарии обратились в нескончаемый поток красноречия. Он с воодушевлением описывал чарующие красоты и прелесть этого края, выказав даже некоторое знакомство с фольклорными изысканиями мистера Айкли. Из его учтивых вопросов я понял, что ему известна и научная цель моего приезда, и что я везу с собой некую важную информацию, – но ни единым намеком он не выдал своего понимания глубины того страшного знания, которое в конечном счете обрел Айкли.

Даннет держался непринужденно, оживленно, даже весело, и его замечания, по-видимому, должны были успокоить и приободрить меня, но странным образом они лишь разбередали мое волнение, пока машина неслась по ухабистой дороге, забираясь все глубже в безвестную пустынную страну гор и лесов. Временами казалось, что он старается выудить из меня все, что мне известно о чудовищных тайнах этих гор, и с каждой произнесенной им фразой я все отчетливее слышал в его голосе едва уловимые и сбивающие с толку знакомые нотки. Да-да, его голос казался неуловимо знакомым; несмотря на всю его неподдельную естественность, неотступное ощущение, что я его где-то уже слышал, производило на меня неприятное впечатление. Я странным образом связал его с давно забытыми кошмарами и даже боялся, что могу сойти с ума, если узнаю его. Если бы я только мог придумать какую-то вескую отговорку – с радостью вернулся бы на станцию; но в данных обстоятельствах уж ничего нельзя было изменить, и я понадеялся, что спокойная научная беседа с Айкли поможет мне вновь обрести присутствие духа.

В космической красоте убаюкивающего пейзажа, мимо которого бежало шоссе, то взбираясь вверх, то устремляясь вниз, было что-то умиротворяющее. В лабиринтах горной дороги время словно остановилось, и вокруг нас простирались лишь цветущие волны волшебных сказок и обретенная прелесть исчезнувших веков: грозные дубравы, девственные луга, окаймленные веселыми осенними цветами, да редкие фермерские уголья, притулившиеся среди огромных деревьев за зарослями душистого можжевельника и сочных трав. Даже солнечный свет здесь обрел неземное величие, точно здешние места были объаты некоей фантастической атмосферой или неведомым духом. Подобное мне доводилось видеть разве что на полотнах итальянских живописцев-самоучек. Бацци¹⁰ и Леонардо умели воссоздавать такие бескрайние пространства, но у них эти просторы виделись всегда в отдалении, сквозь сводчатые арки Ренессанса; а мы теперь буквально углубились в живописный холст, и в этом заколдованном мире я находил то, что неосознанно знал или унаследовал раньше; то, что всю жизнь тщетно искал.

Внезапно, обогнув вершину крутого склона, автомобиль затормозил. Слева от меня, на дальнем краю ухоженной лужайки, протянувшейся до самой дороги и огороженной выбеленными валунами, возвышался белый двухэтажный дом с надстройкой, который благодаря размеру и изяществу линий выглядел чужаком в здешней глуши; позади, справа от него, стояли пристройки: соединенные аркадами сараи, амбары и мельница. Я сразу узнал этот дом по присланной мне фотографии и совсем не удивился, увидев имя «Генри Айкли» на оцинкованном

¹⁰ Джованни Антонио Бацци (1477–1549) – итальянский художник сиенской школы живописи, ученик Леонардо да Винчи.

почтовом ящике на столбике у дороги. За домом виднелась болотистая равнина с чахлой растительностью, а за ней – поросший густым лесом склон, круто убегающий к зубчатой зеленой вершине. Это, как я уже догадался, была вершина Темной горы, на полпути к которой мы остановились.

Выйдя из автомобиля и подхватив мой саквояж, Даннет попросил подождать, пока он сходит в дом и сообщит Айкли о моем приезде. У него же, добавил он, еще есть одно дело в городе, и он сможет пробыть тут лишь минутку, не более. Он быстро зашагал по дорожке к дому, а я тем временем вылез из автомобиля, чтобы хорошенько размять ноги, прежде чем мы с Айкли засядем за многочасовую беседу. Мое нервное напряжение вновь усилилось, стоило мне очутиться на арене жутких событий, описанных в столь ужасных подробностях в письмах Айкли, и я, честно говоря, сильно нервничал по поводу предстоящих разговоров, которые откроют мне правду о запретных мирах.

Бликие контакты с удивительным часто более ужасают, нежели вдохновляют, и меня совсем не радовало пребывание в том самом месте, где Пришлые оставляли свои следы и где после безлунных ночей страха Айкли обнаружил лужи зеленоватого студенистого вещества. Я невольно отметил про себя, что не вижу и не слышу собак. Может, он их всех продал, как только Пришлые заключили с ним перемирие? Но я, сколько ни старался, не мог обрести полной уверенности в прочности и искренности этого перемирия, обрисованного Айкли в последнем письме, так не похожем на предыдущие. В конце концов, он был довольно простодушен и не имел большого опыта в мирских делах. Уж не таился ли какой-то скрытый зловещий умысел в этом мирном соглашении?

Я в задумчивости опустил глаза на грунтовую дорогу, хранившую некогда страшные свидетельства. В последние несколько дней погода стояла сухая, и, несмотря на безлюдную местность, неровная поверхность была испещрена самыми разнообразными следами. От нечего делать я стал изучать очертания некоторых отпечатков, силясь унять самые зловещие из моих макабрических фантазий, порожденных этим мрачным местом и моими воспоминаниями. В кладбищенской тишине, при приглушенном журчанье лесных ручьев, в громогдящихся вокруг зеленых пиках и поросших темным лесом горных склонах на горизонте мне чудилось что-то угрожающее и тревожное.

И тут в моем уме возник образ, на фоне которого эти смутные угрозы и сумрачные фантазии показались пустыми и незначительными. Как я сказал, я рассматривал различные следы на дороге – и вдруг мое любопытство сменилось неподдельным ужасом. Ибо, хотя неясные следы на песке были плохо различимы и накладывались друг на друга, мои зоркие глаза поймали некоторые детали там, где от проезжей дороги ответвлялась дорожка к дому. И я тотчас осознал – без сомнения или надежды – пугающее значение этих деталей. Увы, не зря я часами разглядывал высланные мне Айкли фото со следами клешней Пришлых! Я слишком хорошо помнил отметины этих ужасных чудовищ и ту странную неопределенность направления их движения, отличавшую от всех прочих земных существ. И здесь не было ни малейшего шанса на спасительную ошибку, ибо моему взору предстали объективные доказательства: три свежих, оставленных всего несколько часов назад, жутких следа, отчетливо видневшихся среди множества отпечатков башмаков, ведущих к дому и от дома Айкли. Это были богомерзкие следы клешней живых грибов Юггота.

Я с трудом сдержал вопль ужаса. В конце концов, разве я не ожидал увидеть здесь нечто подобное, коль скоро я на самом деле поверил всему, о чем писал мне Айкли? Он сообщил, что заключил мир с тварями. Тогда стоит ли удивляться, что они навещали его? Но мой ужас был сильнее доводов рассудка. Да и кто из людей смог бы сохранить спокойствие, впервые в жизни воочию увидев реальные отпечатки клешней живых существ, прилетевших на Землю из глубин космоса? И тут я заметил, что Даннет, выйдя из дома, быстро шагает ко мне. Следует, подумал

я, хранить спокойствие – есть вероятность, что этот субъект ничего не знает о глубоких и страшных погружениях Айкли в запретные сферы.

Мистер Айкли, поспешил уведомить меня Даннет, рад моему приезду и готов со мной встретиться, но внезапный приступ астмы не позволит ему в ближайшие день-два в полной мере выполнять функции гостеприимного хозяина. Эти приступы он переносит очень тяжело, и они всегда сопровождаются изнуряющей лихорадкой и общим недомоганием. В такие периоды он чувствует себя неважно и может разговаривать только шепотом; вдобавок ему трудно передвигаться по дому: у него распухают суставы на ногах, поэтому ему, точно страдающему подагрой старику, приходится их плотно перебинтовывать жгутами. Сегодня мистер Айкли совсем плох, поэтому я буду предоставлен сам себе; но тем не менее он готов к разговору. Я найду его в кабинете слева от зала. Даннет предупредил, что в комнате мистера Айкли плотно затворены жалюзи: в период обострения болезни ему необходимо избегать солнечного света, на который его глаза очень болезненно реагируют.

Простившись со мной, Даннет сел в автомобиль и уехал, а я медленно зашагал по дорожке к дому. Дверь была приоткрыта, но прежде чем переступить порог, я внимательно огляделся, пытаясь найти объяснение овладевшему мной ощущению какой-то неосознанной странности этой фермы. Сараи и амбары выглядели как обычные сельские постройки, а в просторном открытом гараже я заметил старенький «форд» Айкли... И тут я нашел объяснение не покидавшему меня странному ощущению: дело было в гнетущей тишине. Обыкновенно на ферме всегда царит какофония звуков, издаваемых живностью. А тут – ничего! Ни кудахтанья кур, ни лая собак. Айкли писал, что у него есть несколько коров, – ну, коровы могут быть сейчас на пастбище; собак он, должно быть, продал. Но полное отсутствие каких-либо звуков *вообще* показалось мне в высшей степени необычным.

Не став задерживаться на дорожке, я решительно распахнул дверь и, войдя в дом, плотно закрыл ее за собой. Для этого мне пришлось сделать над собой усилие, и теперь, за закрытой дверью, я на секунду ощутил поползновение тотчас сбежать. Не то чтобы я заметил какие-то зловещие знаки; наоборот, со вкусом обставленный элегантный холл в позднем колониальном стиле радовал глаз, и я не мог не поразиться утонченному вкусу его хозяина. Но мне захотелось поскорее убраться отсюда из-за чего-то почти неосознанного и неопределенного. Возможно, дело было в неприятном запахе, который сразу ударил мне в нос, – хотя я вполне привык к характерному духу затхлости, витающему даже в хорошо сохранившихся старых фермерских домах.

VI

Отгоняя от себя смутные сомнения и тревоги, я последовал наставлениям Даннета и, повернув налево, толкнул белую дверь с медной задвижкой, оказавшись, как и ожидалось, в затемненной комнате. Здесь странный затхлый запах стал еще гуще. Вместе с тем я ощутил некую легкую, почти воображаемую ритмичную вибрацию в воздухе. В первые мгновения я мало что смог разглядеть в сумраке кабинета: плотно закрытые жалюзи не пропускали дневного света. Но затем до моего слуха донеслись произнесенные свистящим шепотом извинения, и я различил большое кресло в дальнем, самом темном, углу комнаты. Там, в полутьме, я увидел бледное пятно лица и рук, и в следующее мгновение пересек комнату, чтобы поприветствовать человека, пытающегося со мной говорить. Несмотря на сумрак, я все же признал в нем хозяина фермы – ведь я долго разглядывал его фотографию; узнав обветренное резко очерченное лицо и коротко стриженную седую бороду, я отбросил все сомнения.

Вглядываясь в его лицо, я невольно опечалился: несомненно, так мог выглядеть лишь тяжело больной человек. И мне сразу подумалось, что это напряженно неподвижное, застывшее выражение лица и немигающих, словно остекленевших глаз вызвано причиной куда более

серьезной, нежели астма... а в следующий миг я понял: это зримый результат его пугающих открытий, ужасное бремя которых он взвалил на себя. Не было ли одного этого достаточно, чтобы сломить любого человека – даже куда более молодого и сильного, чем этот смельчак, отважившийся заглянуть в бездну запретного знания? Боюсь, странное и внезапное избавление от страха снизошло на него слишком поздно и уже не могло спасти от сильнейшего нервного истощения. Его безжизненные руки, неподвижно лежащие на коленях, выглядели особенно жалкими. На нем был просторный домашний халат, а голову и шею скрывал ярко-желтый шарф или капюшон.

Айкли говорил тем же свистящим шепотом, которым приветствовал меня. Произносимые им слова поначалу было трудно разобрать, потому что седые усы прикрывали его едва шевелящиеся губы, и тембр его голоса почему-то пробудил во мне тревогу; но, сосредоточившись, я скоро смог вполне сносно разбирать смысл слов. Его говор не имел ничего общего с языком деревенского жителя; сама речь оказалась даже более рафинированной, нежели привычная мне манера его письма.

– Мистер Уилмарт, я полагаю? Простите, что не встаю. Я захворал, как мистер Даннет, должно быть, вам сообщил. Но тем не менее я не мог отказать себе в удовольствии принять вас у себя. Как я и писал в моем последнем письме, мне надо многое вам рассказать – но это будет завтра, когда мне станет чуть лучше. Не могу выразить словами, как я счастлив видеть вас лично после нашей столь длительной переписки. Вы, конечно, привезли с собой всю подборку писем? И фотоснимки, и фонографическая запись тоже при вас? Даннет ваш саквояж оставил в холле – полагаю, вы его там заметили. Что же до сегодняшнего вечера, то, боюсь, вам придется поухаживать за собой самому. Вам отведена спальня наверху, над этим кабинетом; у кровати вы найдете открытую дверь в ванную комнату. В столовой для вас накрыт стол, можете пройти туда когда пожелаете – через дверь по правую руку от вас. Завтра я смогу получше выполнять обязанности хозяина дома, но сейчас совершенно беспомощен, слишком слаб. Будьте как дома... и будьте добры: прежде чем отнести наверх свой саквояж, выложите письма, фотоснимки и фонографическую запись на тот стол в центре кабинета. Здесь мы и будем их обсуждать – вы можете видеть мой фонограф на комод в углу. Заранее благодарю... нет, вы ничем не сможете мне помочь. Я уже давно испытываю эти приступы. Просто наведитесь ко мне ненадолго перед сном, а потом отправляйтесь к себе в спальню, когда сочтете нужным. Я же побуду здесь – может, просплю в этом кресле всю ночь, как я это часто делаю. А утром мне значительно полегчает, и мы сможем целиком посвятить себя нашим делам. Вы осознаете, конечно, всю важность стоящей перед нами задачи?.. Нам, как мало кому из живших на Земле, откроются глубины времени и пространства, превосходящие все, что охватили наука и философия.

Знаете ли вы, что Эйнштейн ошибся: некоторые объекты все же способны двигаться со скоростью, превосходящей световую? С должной помощью я надеюсь сам перемещаться вперед и вспять во времени и воочию увидеть Землю далекого прошлого и будущего. Вы не можете даже вообразить себе, какого высочайшего уровня развития достигла наука у этих существ! Нет ничего такого, чего бы они не могли сотворить с сознанием и физической оболочкой живых организмов. Я надеюсь посетить иные планеты и даже иные звезды и галактики. Первое мое путешествие будет на Юггот, ближайший к нам мир, полностью населенный внеземными существами. Это таинственная темная планета на окраине Солнечной системы, до сих пор неизвестная нашим астрономам. Но я, должно быть, писал вам об этом. В свое время, знаете ли, тамошние существа направят на нас свои мыслепотоки и позволят землянам себя обнаружить – и не исключено, что дадут возможность одному из своих земных союзников указать нашим ученым верный путь.

На Югготе много огромных городов, где высятся гигантские башни с многослойными террасами, сложенными из черного камня вроде того, что я пытался вам переслать. Этот камень

прибыл с Юггота. Солнце там светит не ярче, чем самая далекая звезда, но населяющим планету существам оно и не нужно. У них тонко развиты иные органы чувств, и в их огромных домах и храмах нет окон. Свет вреден для них, он слепит и пугает их, ибо в черном космосе по ту сторону времени и пространства, откуда они родом, света нет вовсе. Путешествие на Юггот сведет с ума любого неготового человека – и все же я туда собираюсь. Там под таинственными циклопическими мостами – а их возвела некая древняя раса вымерших и забытых обитателей Юггота еще до того, как эти существа прибыли туда из бездн космоса, – текут черные смоляные реки, так что любой человек, доведись ему их увидеть, сравнялся бы с Данте или Эдгаром По, если бы ему только удалось сохранить рассудок, дабы потом рассказать об увиденном.

Но этот темный мир грибниц и беззаконных городов вовсе не ужасен. Это нас он приводит в ужас. Впрочем, наверное, столь же ужасным показался наш мир Пришлым, когда те впервые высадились здесь в стародавние времена. Знаете, ведь они появились на Земле задолго до конца легендарной эры Ктулху и помнят о затонувшем Р'льехе, когда он еще возвышался над водами. Они обитали также в недрах Земли – существует немало тайных входов в пещеры, о которых земляне ничего не знают; некоторые расположены здесь, в горах Вермонта, и в их глубине скрываются великие миры неизвестной жизни: подземный Кн'йан, красноцветный Йот и мрачный бессветный Н'кай. Именно из Н'кая пришел страшный Цаттогва – то самое бесформенное жабовидное нечто, что упоминается и в Пнакотикских манускриптах, и в «Некрономиконе», и в цикле мифов Комориома, которые сохранил для нас верховный жрец Атлантиды Кларкаш-Тон. Но мы поговорим об этом позже. Уже, должно быть, четыре или пять часов пополудни. Принесите мне вещи, которые привезли, перекусите, а потом возвращайтесь для продолжения нашей приятной беседы...

Я медленно повернулся и, выйдя из комнаты, в точности выполнил просьбу хозяина дома: принес саквояж, выложил из него на стол в центре кабинета все, что он хотел видеть, а затем поднялся в отведенную мне комнату наверху. При воспоминаниях о свежем отпечатке клешни на дороге и о произнесенной шепотом странной тираде Айкли, а также о его рассказе про неведомый мир грибовидной жизни – запретный Юггот – у меня по коже забегали мурашки. Болезнь Айкли сильно меня расстроила, но, признаться, свистящий шепот его вызывал скорее омерзение, чем жалость. Если бы он не так торжествовал по поводу Юггота и его темных секретов!..

Отведенная мне спальня оказалась довольно уютной и изысканно меблированной, причем здесь я не ощущал ни затхлого запаха, ни дурной вибрации. Оставив свой саквояж, я снова спустился вниз, зашел в кабинет Айкли пожелать ему доброй ночи и отправился обедать. Столовая располагалась сразу за кабинетом. На столе я обнаружил щедрое изобилие сэндвичей, пирог и сыр, а термос и чашка с блюдцем свидетельствовали, что мой хозяин не забыл позаботиться о свежем кофе. Сытно поев, я налил себе полную чашку кофе, но с огорчением понял, что кулинарные навыки моего хозяина оставляют желать лучшего. С первым же глотком я ощутил на языке неприятный едкий привкус, так что дальше дегустировать этот кофе не стал. За обедом я постоянно думал об Айкли, безмолвно сидящем в огромном кресле в затемненной комнате по соседству, и даже зашел к нему с предложением разделить со мной трапезу; но в ответ он прошептал, что сейчас не в состоянии есть. Чуть попозже, перед сном, добавил Айкли, он выпьет стакан солодового молока – это все, чем ему можно питаться сегодня.

Покончив с едой, я вызвался сам убрать со стола и вымыть посуду и, воспользовавшись этой уловкой, тихонько вылил в раковину мерзкий кофе, который не пришелся мне по вкусу. Вернувшись в темный кабинет, я придвинул стул к креслу Айкли и приготовился к продолжению разговора, на который, как я надеялся, он был настроен. Привезенные мною письма, восковой валик и фотоснимки все еще лежали на столе посреди кабинета, но обратиться к ним предстояло, видимо, позднее. И я быстро забыл и о странном запахе, и о загадочной вибрации в воздухе.

Как я уже говорил, в ряде писем Айкли – особенно во втором, наиболее подробном – было немало сказано о таких вещах, о которых я бы не посмел упоминать не только вслух, но и на бумаге. Это нежелание безмерно усилилось после того, что он поведал мне свистящим шепотом из тьмы кабинета в фермерском доме среди безлюдных гор. Я не могу ни намеком поведать о тех кошмарных космических тварях, которых описывал этот сиплый голос.

По его словам, он и раньше знал о многих страшных вещах, но открывшееся ему после заключения пакта с Пришлыми легло на рассудок непосильным бременем. Даже в тот момент я отказывался верить в его трактовку устройства пределов зримого и в тезисы о пересечениях измерений, об ужасном местоположении известного нам космоса с его временем и пространством в бесконечной цепи взаимосвязанных космосов-атомов, слагающих некий *суперкосмос* искривлений, углов и материальных и полуматериальных элементов структуры электронов.

Никогда еще находящийся в здравом уме человек не подбирался настолько близко к сокровенной тайне основной сущности мироздания – и никогда еще органический мозг не оказывался на грани полной аннигиляции в хаосе, который превосходит форму, силу и симметрию. Я узнал, откуда происходит Ктулху и почему вспыхнули и угасли мириады звезд в космической истории. Я угадал – но лишь по косвенным намекам, которые даже моего собеседника заставили малодушно умолкнуть, – секреты Магеллановых Облаков и Helix Nebula¹¹ и постиг мрачную правду, спрятанную под покровом древней аллегории о Дао. Мне внятно объяснили природу доэлей и поведали о сущности (но не происхождении) Гончих псов Тиндала¹². Легенды об Йиге, Отце Змеев, утратили для меня метафорический смысл, и я содрогнулся от отвращения, услышав о чудовищном ядерном хаосе по ту сторону угловатого пространства, которому в «Некрономиконе» великодушно и уклончиво дано имя «Азатот». Я испытал подлинный шок, когда самые омерзительные чудовища запретного мифа предстали въяве, обретя конкретные имена, чья отвратительная сущность превосходит самые смелые догадки античных и средневековых мистиков. Я был вынужден неотвратно уверовать в то, что самые первые из сказителей, нашептавшие эти проклятые предания, общались, подобно Айкли, с Пришлыми и, возможно, сами посещали далекие космические области, как это теперь предложили сделать моему собеседнику.

Он рассказал мне про Черный камень и про его значение и был несказанно рад, что посылка так и не дошла до меня. Мои догадки относительно иероглифов подтвердились! И все же Айкли теперь вроде бы примирился с той дьявольской системой, которая ему открылась, – и не только примирился, но и был готов проникнуть еще глубже в разверзшуюся перед ним чудовищную бездну. Я мог лишь гадать, с какими существами он побеседовал уже после отправки последнего письма и многие ли из них имели человеческий облик, как тот их эмиссар, о коем он упоминал. У меня разболелась голова, и я настроил уйму предположений, одно безумнее другого, об источнике витающего в воздухе неприятного запаха и еле заметных вибраций в темном кабинете.

Сгустилась ночь. Вспоминая, что писал мне Айкли о предшествующих ночах, я с содроганием подумал, что сегодня луна в небе не появится. Меня пугало уединенное расположение этого фермерского дома с подветренной стороны лесистого склона Темной горы, круто взбегавшего вверх к неприступному хребту. С позволения Айкли я зажег небольшую масляную лампу, прикрутил фитиль и поставил ее на книжную полку около бюстика Мильтона,

¹¹ Туманность Улитка (Helix Nebula, NGC 7293, другие обозначения – PK 36–57.1, ESO 602-PN22) – планетарная туманность в созвездии Водолей на расстоянии 650 световых лет от Солнца, одна из самых близких к Земле планетарных туманностей. Открыта немецким астрономом Карлом Людвигом Хардингом в 1824 году.

¹² Доэли и Гончие псы Тиндала – существа, созданные воображением друга Лавкрафта, писателя-фантаста Фрэнка Белнэпа Лонга. Доэли – миниатюрные существа из других измерений, питающиеся живой плотью и уничтожающие мозг носителя изнутри, предварительно погрузив его в череду болезненных галлюцинаций. Псы Тиндала – «межпространственные хищники», проникающие в материальный мир сквозь углы между двумя любыми плоскостями, если те составляют 90° или менее.

призрачно белеющего во мраке. Но я сразу же пожалел об этом, так как мой хозяин заметно напрягся, и его недвижимое лицо и безвольно лежащие руки поразили меня неестественной, даже трупной, бледностью. Я заметил, что Айкли, хотя сам едва мог двигаться, время от времени кивает головой.

Выслушав его рассказ, я даже не мог вообразить, какие еще страшные тайны он приберегает для утра; но в конце концов выяснилось, что темой нашей завтрашней беседы станет его путешествие на Юггот и в глубь космоса – как и мое возможное участие в нем. Полагаю, Айкли позабавило, с каким нескрываемым ужасом я воспринял предложение сопровождать его в космическом путешествии, потому что, как только мое лицо исказила гримаса страха, его голова сильно затряслась – от беззвучного смеха? Потом он весьма учтиво заговорил о том, как люди могут совершить – а некоторые из них уже совершали – на первый взгляд невообразимые полеты сквозь межзвездную пустоту. По его словам, живые человеческие тела в реальности не совершали этих путешествий, но недюжинные способности Пришлых в области хирургии, биологии, химии и механики помогли им найти способ перемещать мозг человека независимо от телесной оболочки.

Существует безвредный способ извлечения мозга и сохранения жизнедеятельности тела в его отсутствие. Чистое же мозговое вещество погружалось в жидкость, находящуюся в герметичном цилиндре из особого металла, добываемого на Югготе, а погруженные в нее электроды, подключенные к мозгу, были синхронизированы с высокоточными сенсорами, способными продублировать три важнейшие мозговые функции: зрение, слух, речь. Для крылатых грибовидных организмов переносить такие мозговые цилиндры через космическое пространство не составляло большого труда. На всех планетах, куда проникла их цивилизация, имелось достаточно функциональных аппаратов, которые можно было подключать к мозгу в цилиндре, и после некоторой наладки путешествующий интеллект обретал способность полноценного, хотя и бестелесного, механического существования, с применением органов чувств и речи, на каждом этапе путешествия в пространственно-временном континууме и даже за его пределами. Это было не сложнее, чем перевозка воскового валика с записью и ее воспроизведение на любом фонографе нужной модели. В успехе предстоящей миссии Айкли не сомневался и никакого страха не испытывал – ведь подобные путешествия уже не раз блестяще осуществлялись в прошлом... И тут впервые за все время его бессильная рука приподнялась и указала на высокую полку у дальней стены кабинета. Там, аккуратно выстроившись в ряд, стоял десяток или больше цилиндров из неведомого мне металла – эти цилиндры были в фут высотой и чуть меньше фута в диаметре, а спереди, на выпуклой стороне, виднелись три розетки, расположенные в виде равнобедренного треугольника. От двух розеток одного из цилиндров тянулись провода к паре необычных приспособлений в глубине полки. Об их назначении можно было даже не спрашивать, и я поежился от охватившего меня озноба. Потом я заметил, что рука Айкли указывает на ближний угол комнаты, где громоздились странные приборы с проводами и витыми парами, причем некоторые были точь-в-точь как два приспособления на книжной полке позади металлических цилиндров.

– Здесь вы видите четыре разновидности приспособлений, Уилмарт, – раздался шепот из тьмы. – Четыре, и каждая выполняет три функции; итого их тут двенадцать. Смотрите: в металлических цилиндрах на полке представлены четыре вида существ: три человеческие особи, шесть грибовидных, неспособных телесно перемещаться в пространстве, два мозга с Нептуна – боже, видели бы вы, в какой телесной оболочке эти содания обитают на своей планете, – а остальные существа водятся в глубоких пещерах на удивительных темных мирах за пределами нашей галактики. В главной колонии в недрах Круглого холма можно найти такие же цилиндры и машины – при этом в цилиндрах содержится внекосмический мозг, обладающий неизвестными нам органами чувств. Это мозговой материал союзников и исследователей из самых далеких глубин Потустороннего, а особые машины помогают им получать впечатле-

ния извне и выражать свои мысли различными способами, которые подходят одновременно и для них, и для осмысленного общения с разными слушателями. Круглый холм, как и большинство колоний этих существ в разных уголках мироздания, стал пристанищем для самых разнообразных видов. Но, разумеется, только наиболее распространенные из них были переданы мне для проведения экспериментов.

Прошу вас, возьмите те три машины, на которые я указал, и поставьте их на стол. Вон ту высокую машину с двумя стеклянными линзами спереди... затем ящик с вакуумными трубками и звукоусиливающей коробкой, а теперь тот аппарат с металлическим диском сверху. Так... теперь цилиндр с этикеткой В-67. Встаньте на тот виндзорский стул, чтобы дотянуться до полки. Тяжело? Не бойтесь. Обратите внимание на номер В-67. Ни в коем случае не прикасайтесь к новому сверкающему цилиндру с моим именем, подсоединенному к двум контрольным приборам. Поставьте цилиндр В-67 на стол рядом с машинами – и проследите, чтобы переключатели на всех трех машинах были переведены в крайнее левое положение.

А теперь присоедините провод от машины с линзами к верхней розетке на цилиндре – вон там! Подключите машину с трубкой к нижней левой розетке, а аппарат с диском – к верхней розетке. А теперь переведите все поворотные переключатели на верхней машине в крайнее правое положение – сначала на машине с линзой, затем на машине с диском и наконец на машине с трубкой. Правильно! Должен, кстати, предупредить вас, что это человеческое существо, подобное нам с вами. Завтра я покажу вам кое-что еще!..

...До сего дня я не могу понять, почему так покорно повиновался указаниям Айкли. Да и считал ли я его безумцем? До того вечера я, вероятно, был готов к чему угодно, – но пантомима с машинами настолько смахивала на причуды изобретателя-самоучки, что в моей душе вновь зародились сильные сомнения. Все, о чем разглагольствовал мой собеседник, выходило за грань человеческого разума... но разве иные вещи, еще дальше выходящие за эту грань, не кажутся менее нелепыми только ввиду отсутствия конкретных осязаемых доказательств их существования?

Пока эти хаотичные мысли роились в моем мозгу, я обратил внимание на странное урчание и поскрипывание трех машин, которые я подключил к металлическому цилиндру, – но вскоре эти звуки стихли, агрегаты заработали совершенно бесшумно. И что должно произойти? Услышу ли я человеческий голос? И если да, то как определю, что это не хитрый трюк со встроенным радиоприемником и не голос спрятавшегося где-то человека, который тайком наблюдает за всем происходящим в кабинете? Даже теперь я не могу сказать с полной уверенностью, что там слышал и на самом ли деле имел место феномен, свидетелем которого я стал. Впрочем, *нечто* и впрямь произошло.

Попросту говоря, машина с трубками и со звукоусилителем заговорила, причем столь осмысленно, что у меня не было ни малейшего сомнения: говорящий и впрямь присутствует здесь и видит нас. Голос был громкий, монотонный, безжизненный и, судя по тембру и интонациям, абсолютно механический. Он скрежетал, мертвенно-неспешно выбирая слова, на одной ноте, не выражая никаких эмоций:

– Мистер Уилмарт, надеюсь, я не испугал вас. Я такой же человек, как и вы, хотя мое тело в этот момент пребывает в безопасном месте в недрах Круглого холма, в полутора милях к востоку отсюда, и получает надлежащие питательные вещества для поддержания его жизнедеятельности. Я же – с вами, в этой комнате, и мой мозг заключен в цилиндре; я могу видеть, слышать, говорить с помощью электронных диполей. Через неделю я отправлюсь в космическое путешествие, как уже не раз бывало в прошлом, и надеюсь иметь удовольствие совершить его в обществе мистера Айкли. Буду рад, если и вы к нам присоединитесь, – я знаю вас и вашу репутацию и внимательно следил за вашей перепиской с нашим общим другом. Я, разумеется, один из тех, кто заключил союз с внеземными существами, прибывшими на нашу планету.

Сначала я встретил их в Гималаях и оказал им некоторую любезность. В знак благодарности они даровали мне возможность познать то, что ведомо мало кому из людей.

Я смог побывать на тридцати семи небесных телах: планетах, темных звездах и совсем неопишуемых объектах, включая восемь космических тел за пределами нашей галактики и два – за пределами искривленного пространственно-временного континуума! И все эти путешествия не нанесли мне ни малейшего вреда. Мой мозг был изъят из тела путем клеточной фрагментации – столь тонкой, что было бы несправедливо назвать эту виртуозную операцию хирургическим вмешательством.

Пришлые существа обладают методами, благодаря которым такие изъятия просты и почти обыденны. Тело, из которого изъят мозг, не подвержено процессу старения, и сам мозг остается практически бессмертным при сохранении его механических свойств – даже в условиях скудного потребления питательных веществ (их доставляют в него при регулярной смене жидкости, в которой он хранится).

В общем, я искренне надеюсь, что вы решитесь отправиться в путешествие вместе со мной и мистером Айкли. Пришельцы стремятся ближе познакомиться с учеными вроде вас и готовы показать им великие бездны, о которых многие из нас могли бы лишь грезить в своем мечтательном неведении. Встреча с ними поначалу может вас озадачить, но я уверен, что вы сумеете преодолеть все предубеждения. Думаю, к нам присоединится и мистер Даннет – тот, кто привез вас сюда на автомобиле. Уже многие годы он является одним из нас. Я полагаю, вы узнали его голос – он ведь звучит на фонографической записи, которую вам присылал мистер Айкли.

Я вздрогнул – и говорящий осекся на мгновение, а затем продолжал:

– Итак, мистер Уилмарт, решение за вами. Мне остается лишь добавить, что такой человек, как вы, с вашей страстью ко всему необычному и с вашей любовью к фольклору, не должен упустить столь редкую возможность. Вам нечего бояться. Все перемещения совершенно безболезненны, и ощущения от пребывания в механическом состоянии даже окажутся весьма приятны. При отключении электродов вы просто уснете и будете видеть невероятно яркие и фантастические сны.

А теперь, если не возражаете, мы прервем нашу беседу до завтра. Доброй ночи. Чтобы погасить свет, просто поверните все выключатели в крайнее левое положение – проделать это можно в любом порядке. И не забудьте: последней надо выключить машину с линзой. Доброй ночи, мистер Айкли, будьте добры к нашему постояльцу! Ну что, готовы повернуть выключатели?..

На том наше общение закончилось. Я бездумно повиновался и повернул все три выключателя... Этот странный монолог заставил меня усомниться в реальности происшедшего. Моя голова все еще шла кругом, когда я услышал шепот Айкли, просившего меня оставить всю аппаратуру на столе. Он никак не прокомментировал то, что произошло, но, по правде сказать, мое воспаленное сознание вряд ли было способно воспринять какой-либо здравый комментарий. Шепотом он попросил меня забрать с собой в спальню лампу, из чего я заключил, что ему хочется побыть в темноте. Наверное, для него настала пора отдохнуть, так как его пространная речь, с которой он обратился ко мне днем и вечером, могла бы утомить даже физически крепкого человека. Все еще пребывая в сильном волнении, я пожелал моему хозяину доброй ночи и поднялся вверх с лампой, хотя с собой у меня был мощный карманный фонарик.

Я был рад наконец покинуть кабинет Айкли, где витал странный затхлый запах и ощущалась легкая вибрация, однако не мог избавиться ни от обуявшего меня ужаса, ни от чувства скрытой опасности и космической ненормальности происходящего, когда думал о фермерском доме и о потусторонних силах, с которыми мне пришлось здесь столкнуться. Лесистый склон Темной горы, который почти вплотную подступал к дому, затерянному в безлюдной глухомани Вермонта; загадочные следы на дороге; неподвижный больной, шепчущий из тьмы; сатанин-

ские цилиндры и машины и – самое жуткое! – приглашение подвергнуться уму непостижимой хирургической операции и отправиться в непостижимое путешествие... все эти необычные события слишком внезапно обрушились на меня, буквально парализовав мою волю и почти подорвав физические силы.

Особенно сильным потрясением для меня стало известие, что мой провожатый Даннет был соучастником чудовищного древнего обряда, записанного на восковом валике, – хотя я и раньше отметил смутно знакомые омерзительные нотки в его голосе. Другое сильное потрясение я испытал, проанализировав свое отношение к Айкли. Если раньше, ведя с ним интенсивную переписку, я чувствовал к нему симпатию, то теперь он был мне неприятен. Его болезнь вызывала не жалость, а отвращение. Он был так неподвижен и пассивен, так похож на живой труп, – и его нескончаемый шепот был таким мерзостным и... нечеловеческим!

Этот шепот вовсе не напоминал скрипучие сиплые голоса, которые мне доводилось слышать; несмотря на странную неподвижность его губ, прикрытых густой щеткой усов, в нем угадывалась скрытая сила и энергия, вряд ли присущая жалкому астматику. Я слышал все сказанное Айкли, сидевшим в дальнем углу кабинета, и раз или два ловил себя на мысли, что тихое, но отчетливое звучание его голоса – продукт не столько бессилия, сколько намеренного усилия! Но для чего он тщился приглушить голос – это так и осталось для меня загадкой... С самого первого момента, едва до меня донесся шепот из тьмы, его звучание вызвало в моей душе некую необъяснимую тревогу. И теперь, пытаясь вновь все осмыслить, я понял: меня подсознательно встревожило *знакомое звучание* этого голоса – то же самое меня беспокоило в голосе Даннета. Но где и когда я встречался с обладателем этого знакомого шепота, я ума не мог приложить.

Одно для меня было несомненно: я проведу здесь только одну ночь, не более. Мой научный азарт улетучился под влиянием страха и отвращения, и меня обуревало лишь одно желание: поскорее высвободиться из жутких силков сверхъестественных откровений. Я узнал достаточно. Возможно, так оно и есть: некая необъяснимая космическая связь существует... но нормальный человек не может иметь с этим ничего общего.

Богомерзкие силы, казалось, опутали меня своей паутиной, мертвой хваткой впившись в мой разум. О том, чтобы заснуть в этом доме, даже думать не стоило, поэтому я просто затушил пламя лампы и не раздеваясь упал на кровать. Конечно, это было глупо, но я приготовился к любому развитию событий. Я сжал в правой руке револьвер, который захватил с собой из дома, а в левой – карманный фонарик. Снизу не доносилось ни звука, и я представил себе Айкли, сидящего во тьме неподвижно, точно труп.

Где-то в глубине дома тикали часы, и я, сам не зная почему, благодарно вслушивался в этот вполне обычный звук. Впрочем, он напомнил мне о другой тревожной особенности этой фермы: о полном отсутствии тут живности, столь привычной для сельской местности. И вдруг я осознал, что не слышу даже привычных ночных звуков диких лесных обитателей. Если не считать зловещего журчания невидимых лесных вод, эта гробовая тишина казалась ненормальной – *инопланетной*, – и я стал гадать, под властью какого звездорожденного неосоздаемого заклятья находится это место. Я вспомнил: если верить старым преданиям, собаки и другие животные на дух не выносят Пришлых, – и задумался, что бы могли означать те следы на дороге.

VII

Только не спрашивайте меня, сколько длился внезапно сморивший меня сон и много ли из того, о чем пойдет речь дальше, мне приснилось. Если я вам скажу, что в какой-то момент пробудился, услышал и увидел *нечто*, – вы сочтете, что я и не просыпался вовсе и что все это было сном ровно до того момента, как я выскочил из дома, бросился к сараю, где ранее заметил старенький «форд», и помчался на старом драндулете по лабиринтам лесных дорог среди

призрачных гор, пока наконец в финале безумной многочасовой гонки не попал в деревушку, оказавшуюся Тауншендом.

Вы можете, конечно, отмахнуться от всех подробностей в моем рассказе и объявить, что и фотоснимки, и голоса на фонографическом валике, и голос из стального цилиндра и звуковоспроизводящей машины, как и прочие вещественные доказательства, были лишь элементами грандиозной мистификации, которой подверг меня исчезнувший Генри Айкли. Можете даже предположить, будто бы он подговорил нескольких эксцентричных знакомых принять участие в этом глупом и тонко разыгранном надувательстве: сам устроил похищение посылки из поезда в Кине и попросил Даннета сделать пугающую запись на восковом валике. Но странно, однако, что Даннета так до сих пор и не нашли и что его никто никогда не видел в деревнях по соседству с фермой Айкли, хотя он, должно быть, частенько наезжал в те места. Жаль, я не удосужился запомнить номер его автомобиля... хотя, с другой стороны, может быть, оно и к лучшему. Ибо независимо от того, что вы думаете обо всем этом, и независимо от того, что я сам об этом думаю, мне точно известно, что мерзкие внеземные силы обитают в малоизведанных вермонтских горах и что эти силы имеют своих шпионов и эмиссаров в человеческом мире. И я прошу лишь об одном: в будущем держаться как можно дальше и от этих зловредных сил, и от их эмиссаров.

Выслушав мой взволнованный рассказ о происшествии, местный шериф направил отряд вооруженных людей на ферму Айкли, но того уже и след простыл. Его поношенный домашний халат, желтый шарф и бинты для ног валялись на полу в кабинете рядом с креслом в углу, и никто не мог сказать, пропала ли вместе с ним еще какая-то его одежда. Ни собак, ни живности на ферме и правда не обнаружили, зато нашли на стенах дырки от пуль – как снаружи, так и внутри; но помимо этого ничего необычного не выявилось. Ни металлических цилиндров, ни диковинных машин, ни предметов, которые я привез в саквояже... Пропал мерзкий запах, пропала вибрация, исчезли следы на дороге и те три загадочных предмета, которые привлекли мое внимание напоследок.

После бегства я провел в Братлборо целую неделю, опрашивая местных жителей, знавших Айкли, и в результате убедился, что все приключившееся со мной – не сон и не обман. Айкли на самом деле многократно покупал собак, ружейные патроны и химикаты, кто-то действительно многократно перерезал ему телефонные провода; при этом все знавшие его – в том числе и его сын в Калифорнии – показали, что он часто упоминал о своих странных исследованиях. Образованная часть местного общества считала его безумцем и без колебаний объявляла все так называемые вещественные доказательства мистификацией, результатом его безумных проделок, в которых, возможно, участвовали его эксцентричные подручные. Зато невежественная деревенщина подтверждала все его заявления до последней мелочи. Айкли показывал кое-кому из них и фотоснимки, и черный камень и проигрывал им жуткие записи; и все уверяли, что следы клешней на дороге и жужжащий голос один в один похожи на описания этой дьявольщины в старинных поверьях. Старожилы также говорили, что появление подозрительных фигур и голосов вблизи фермы Айкли участилось после того, как он нашел черный камень, и что в последнее время его ферму обходили стороной все, кроме почтальона и горстки самых отчаянных смельчаков. Всем было известно, что и на Темной горе, и на Круглом холме частенько появляются привидения, но я не мог найти никого, кто бы исследовал те места. Случаи регулярного исчезновения местных жителей за всю историю округа тоже нашли подтверждение, и в число пропавших теперь включали и Уолтера Брауна, чье имя упоминалось в письмах Айкли. Я даже встретил одного фермера, который божился, что лично видел в Вест-ривер во время наводнения тело странных очертаний; впрочем, этот рассказ был слишком сбивчив, чтобы счесть его ценным свидетельством.

Покинув Братлборо, я твердо решил никогда не возвращаться в Вермонт и больше чем уверен, что сдержу данное себе обещание. Эти безлюдные лесистые горы и впрямь являются

форпостом ужасающей космической расы, и я все меньше сомневаюсь в этом с тех пор, как прочитал об открытии новой, девятой, планеты за Нептуном, в точности согласно предсказаниям жутких тварей. Астрономы, с присущей им пугающей проницательностью, которой они так гордятся, назвали планету Плутоном¹³. Я же, безусловно, считаю, что это и есть мрачный Юггот, и с содроганием размышляю о том, почему чудовищные пришельцы пожелали, чтобы это открытие состоялось именно сейчас. Я тщетно пытаюсь убедить себя в том, что эти демонические создания не изберут новую политику, вредоносную для Земли и ее обитателей.

Но должен еще поведать, чем завершилась та ужасная ночь на ферме. Как я уже сказал, в конце концов меня сморил беспокойный сон, и в обрывках сновидений мне привиделись страшные картины. Что меня разбудило, я так и не понял, но точно помню момент пробуждения. И помню первое смутное впечатление – скрип половиц: в коридоре за дверью кто-то шел крадучись, а потом я услышал приглушенное звяканье дверной щеколды, которую неловко пытались открыть. Впрочем, звуки почти сразу прекратились, и затем я услышал – помню это совершенно четко – голоса из кабинета на первом этаже. Мне почудилось, что я различаю голоса нескольких собеседников; они о чем-то спорили.

Несколько секунд я прислушивался, а затем окончательно проснулся. Тональности голосов заметным образом различались, и всякий, кто хоть раз слышал ту мерзейшую фонографическую запись, смог бы определить природу по крайней мере двух из них. Ибо, сколь бы пугающей ни была моя догадка, я понял, что нахожусь под одной крышей с безымянными тварями из космических бездн: два собеседника говорили тем самым мерзким жужжащим шепотом, который Пришлые использовали для речевого контакта с людьми. Хотя эти два голоса заметно отличались – и по тембру, и по темпу речи, и по выговору, – оба принадлежали одному и тому же окаянному виду.

Третий голос совершенно точно звучал из специального аппарата для озвучивания речи – спикера, соединенного с изъятим мозгом в металлическом цилиндре. В том у меня не было ни малейшего сомнения; скрежещущий безжизненный говор, громко чеканивший слова с монотонной отчетливостью и неспешностью, забыть было невозможно. Я даже не пытался определить, был ли он идентичен тому самому, который я слышал вечером, поняв: *любой* мозг будет продуцировать вокальные тона одного характера, будучи соединенным с тем же самым аппаратом; единственные отличия могли касаться языка, ритма и скорости речи и произношения. В довершение картины были слышны два подлинно человеческих голоса: один – грубый, неизвестного мне местного жителя; в другом я без труда узнал бостонские мурлыкающие нотки моего давешнего гида, загадочного мистера Даннета.

Силясь разобрать слова, доносившиеся из-под старых толстых половиц, я отчетливо слышал шарканье, топот и скрежет и не мог избавиться от ощущения, что в кабинете внизу полным-полно живых существ – гораздо больше, чем голосов, которые я смог различить. В точности описать это шарканье и скрежет я вряд ли смогу – мне просто не с чем их сравнить. Судя по звукам, в кабинете двигались разумные существа; звук их шагов слегка напоминал легкий цокот, как бывает при касании к твердой поверхности изделий из кости или твердой резины. Или, если воспользоваться более наглядным, хотя и менее точным сравнением, как если бы люди, обутые в деревянные башмаки большого размера, шаркали по начищенному до блеска паркету. Я даже представить себе не мог, как выглядят существа, производящие при движении столь диковинные звуки.

Вскоре я понял, что уловить сколько-нибудь связный разговор не удастся. Отдельные слова – в том числе имя Айкли и мое собственное – то и дело всплывали в потоке речи,

¹³ 18 февраля 1930 года 24-летний астроном-любитель (бывший фермер) Клайд Уильям Томбо открыл Плутон, который долгое время считался планетой Солнечной системы (что, по остроумному замечанию книгоиздателя Федора Еремеева, подготавлившего один из самых первых сборников рассказов Лавкрафта на русском, «только усугубило экономическую депрессию в США»). Сейчас это небесное тело считается крупнейшей карликовой планетой в Солнечной системе.

особенно четко их произносил аппарат-спикер; но их истинный смысл терялся без внятного контекста. Сегодня я вряд ли смогу составить из них осмысленные фразы; их устрашающий эффект был результатом скорее моих неосознанных предположений, нежели ясного понимания. Я не сомневался, что в кабинете собрался противоестественный конклав чудовищ, но какова была кошмарная цель сего собрания – понятия не имел. Мне стало даже любопытно: почему сразу пришло ощущение злонамеренности и мерзости этого синклита, несмотря на все заверения Айкли в дружелюбии Пришлых?..

Терпеливо вслушиваясь в приглушенные речи, я начал наконец различать отдельные голоса, хотя не мог уловить смысла произносимых слов. Мне показалось, что я даже угадываю некоторые характерные эмоции, сопровождающие те или иные реплики.

Один жужжащий голос, например, говорил с очевидными властными интонациями, в то время как механический, несмотря на его искусственную громкость и размеренность, выдавал подчиненное положение его носителя и временами звучал даже просительно. А в голосе Даннета слышались примирительные интонации. Тембры других голосов я даже не пытаюсь как-то интерпретировать. Я не слышал знакомого шепота Айкли и понимал, что столь слабый звук вряд ли проникнет сквозь толстые половицы моей спальни.

Попытаюсь привести здесь кое-что из разрозненных слов, указывая, кто, по моему мнению, их произносил, а также описать другие звуки. Первые разборчивые фразы звучали из спикера.

(Спикер)

«...взял это на себя... получить назад письма и записи... кончить на этом... обманут... видеть и слышать... черт возьми... безличная сила, в конце концов... новенький, блестящий цилиндр... Боже правый...»

(Первый жужжащий голос)

«...раз мы сделали остановку... маленький человеческий... Айкли... мозг... говорит...»

(Второй жужжащий голос)

«Ньярлатхотеп... Уилмарт... Записи и письма... дешевое надувательство...»

(Даннет)

«...(непроизносимое слово или имя, возможно – Н'гах-Ктун) безвредный... мир... пара недель... слишком театрально... говорил же вам об этом раньше...»

(Первый жужжащий голос)

«...нет смысла... первоначальный план... последствия... Даннет может наблюдать за Круглым холмом... Новый цилиндр... Автомобиль Даннета...»

(Даннет)

«...что ж... к вашим услугам... вот сюда... остальные... на место»

(Несколько голосов говорят одновременно, неразборчиво)

(Слышен топот многих ног, в том числе странное шарканье или цокот)

(Непонятные хлопки)

(Громкий звук заведенного автомобильного двигателя, затем затихающего вдали)

(Тишина)

Вот, собственно, конспект того, что я услышал собственными ушами, когда, затаив дыхание, лежал на кровати в зловещем фермерском доме среди демонических гор и холмов – полностью одетый, с револьвером в правой руке и карманным фонариком в левой. Я, как уже было сказано, окончательно проснулся, но меня словно поразил непонятный паралич, заставив лежать без движения до тех самых пор, пока не стихли последние звуки. Где-то далеко внизу мерно тикали старые коннектикутские часы. И тут до моего слуха донесся прерывистый храп

спящего. Это, должно быть, задремал Айкли, утомленный странным консилиумом, – что ж, его можно было понять.

Я не знал, что думать и что предпринять. В конце концов, разве я услышал нечто такое, к чему не был уже подготовлен? Разве я не знал, что безымянные Пришлые теперь преспокойно могли разгуливать по фермерскому дому? Хотя, разумеется, Айкли не мог не удивить их непрошенный визит... И все же что-то в подслушанной бессвязной болтовне меня безмерно напугало, в очередной раз породив жутчайшие сомнения, – и мне оставалось лишь молить Господа, чтобы я пробудился и понял, что все это было дурным сном. Думаю, мое подсознательное постигло нечто, чего еще не уразумел мой рассудок. А что Айкли? Разве он не был моим другом, разве он не возмутился бы, случись со мной что-то ужасное? И его мирное похрапывание словно высмеивало все страхи, внезапно охватившие меня с новой силой.

Возможно ли, что Айкли стал пассивным инструментом в чьем-то зловещем замысле и его *заставили* заманить меня в горы с помощью писем, фотографий и фонографической записи? И не собирались ли эти твари сотворить с нами обоими некий обряд уничтожения, раз мы узнали о них слишком много? Вновь я задумался о странной резкой, неестественной смене настроения Айкли, произошедшей между его предпоследним и самым последним письмом. Я интуитивно чувствовал: что-то тут не так, всё не то, чем кажется. И этот едкий кофе, который я вылил в раковину, – уж не пыталось ли неведомое существо отравить меня? Надо обсудить это с Айкли тотчас и помочь ему вновь взглянуть на происходящее трезвым взглядом. Твари затуманили ему голову своими обещаниями открытий в космосе, но теперь-то он должен прислушаться к голосу разума. Нам нужно выпутаться из этой истории, пока еще не поздно. Если ему не хватит силы воли обрести свободу, я ему помогу. А если не удастся убедить его бежать отсюда, то по крайней мере я сам смогу спастись бегством. Конечно же, он одолжит мне свой «форд», который я оставлю потом у кого-нибудь в гараже в Братлборо. Автомобиль стоял в сарае; теперь, когда все опасности миновали, дверь сарая была распахнута настежь, и я обрадовался, что этот «форд» словно дожидался там меня. Мимолетная неприязнь к Айкли, которую я ощутил во время нашего общения накануне вечером, уже прошла. Бедняга оказался в том же положении, что и я, поэтому нам следовало держаться вместе. Учитывая, что его беспомощность вызвана болезнью, я не хотел будить его в столь поздний час, хотя и понимал, что сделать это придется. В сложившихся обстоятельствах я просто не мог себе позволить остаться в доме до утра.

Наконец я был готов к решительным действиям. Прежде чем встать с кровати, я несколько раз потянулся, чтобы восстановить подвижность мышц. Стараясь действовать с осторожностью – скорее инстинктивной, нежели осознанной, – я надел шляпу, подхватил саквояж и тихонько спустился вниз по лестнице, освещая себе путь фонариком. По-прежнему находясь в сильнейшем нервном напряжении, я не выпускал из правой руки револьвер и ухитрился зажать левой и фонарик, и ручку саквояжа. Зачем я предпринял все эти предосторожности, я и сам не мог понять – ведь если сейчас я и мог кого-то разбудить в доме, то только его единственного обитателя.

Прокравшись на цыпочках по скрипучим ступеням в холл, я еще отчетливее услышал храп спящего и подумал, что он, вероятно, в комнате слева – в гостиной, куда я еще не заходил. Справа от меня я заметил крошечную тьму кабинета, откуда ранее доносились разбудившие меня голоса. Отворив незапертую дверь гостиной, я осветил фонариком туда, откуда доносился храп, и луч света вырвал из мрака лицо спящего. В следующую же секунду я поспешно отвел фонарик в сторону и медленно, по-кошачьи ретировался назад в холл, – эти меры предосторожности были весьма своевременны. Ибо на кушетке спал вовсе не Айкли, а мой старый знакомец Даннет.

Я терялся в догадках, что бы все это значило. Здравый смысл подсказывал, что самое правильное – постараться выяснить, что же тут происходит, а потом вызвать подмогу. Вер-

нувшись в холл, я бесшумно затворил и запер дверь в гостиную, чтобы уж наверняка ничем не потревожить сон Даннета. После я осторожно вошел в кабинет, где ожидал застать Айкли – спящим или бодрствующим – в угловом кресле, его излюбленном месте отдыха. Покуда я перемещался по кабинету, луч фонарика осветил большой круглый стол с дьявольским цилиндром, присоединенным к зрительной и слуховой приставкам и к спикеру, готовому к работе. По моему разумению, то был изъятый из тела мозг, который участвовал в ужасном собрании; на какую-то секунду у меня возникло дичайшее желание запустить спикер и послушать, что мне скажут.

Мозг, думал я, уже осознал мое присутствие, потому что зрительные и слуховые приставки не могли не зафиксировать свет фонарика и легкое поскрипывание половиц под моими ногами. Но я так и не осмелился возиться с мерзким приспособлением. Я только заметил на столе новый сверкающий цилиндр с наклейкой, на которой было написано имя Айкли, – тот самый, который я заметил на полке накануне вечером и к которому хозяин дома попросил меня не прикасаться. Сейчас, думая об этом, могу лишь посетовать на свою робость и пожалеть, что не отважился заставить аппарат заговорить. Одному Богу ведомо, на какие тайны это могло пролить свет, какие ужасные сомнения рассеять! С другой стороны – может быть, в том и состояло милосердие Божье, что я не притронулся к аппарату...

Я отвел луч фонарика от стола и направил его в угол, где, как я думал, сидит Айкли, но, к своему изумлению, обнаружил, что старое кресло пусто – там не было никого, ни спящего, ни бодрствующего. Знакомый мне поношенный халат валялся на кресле, чуть свешиваясь на пол, а рядом на полу лежал желтый шарф и поразившие меня своими размерами жгуты для ног. Я замер, раздумывая, куда пропал Айкли и почему он внезапно снял с себя облачение больного, – и поймал себя на том, что больше не ощущаю в помещении ни мерзкого запаха, ни легкой вибрации. Но что же было их причиной? И тут мне пришло в голову, что и то и другое ощущалось лишь в присутствии Айкли. Причем сильнее всего – около кресла, где он сидел, а вот в других комнатах и в коридоре запах и вибрация пропадали полностью. Я обследовал лучом фонарика стены темного кабинета, пытаюсь найти объяснение столь разительной перемене.

О господи! Надо было тихо уйти отсюда до того, как луч фонарика вновь упал на пустое кресло! Но оказалось, что мне суждено было покинуть этот дом не тихо, а с воплем ужаса, который, наверное, потревожил, хотя и не разбудил спящего стража в комнате напротив. Мой вопль и мерный храп Даннета – вот последние звуки, услышанные мною в ужасном фермерском доме под поросшей темнолесьем призрачной горой, в том обиталище трансфигурационного кошмара среди уединенных зеленых холмов и недобро бормочущих ручьев зачарованного деревенского захолустья.

Удивительно, что во время беспорядочного бегства я не выронил ни фонарик, ни саквояж, ни револьвер. Я умудрился выбежать из кабинета и из дома, не издав ни единого звука, а потом благополучно забросил вещи в старый «форд», стоящий в сарае, сел за руль, завел мотор и помчался под покровом безлунной ночи в поисках безопасного места. Вся последующая поездка была как пьяный бред сродни иным рассказам Эдгара По, или стихам Рембо, или гравюрам Доре, но как бы то ни было, я добрался до Тауншенда. Вот и все. И если после всех этих приключений мое душевное здоровье осталось непоколебленным – считайте, что мне крупно повезло. Иногда меня посещают страхи относительного того, что ждет всех нас в будущем, особенно если учесть недавнее открытие планеты Плутон.

...Итак, обследовав с помощью фонарика стены кабинета, я направил луч на пустое кресло – и увидел там три предмета, которых ранее не заметил из-за того, что они затерялись в складках поношенного халата (полицейские дознаватели, позже побывавшие в доме, их уже не обнаружили). Как я сказал в самом начале, на первый взгляд в них не было ничего ужасного. Ужас заключался в выводах, которые напрашивались при виде них. Даже сегодня я переживаю мгновения полусознанных сомнений – мгновения, когда склонен согласиться со скепти-

ческими оценками тех, кто приписывает все случившееся со мной сновидениям, расшатанным нервам или галлюцинациям.

Эти три предмета оказались дьявольски хитроумными конструкциями, снабженными тонкими металлическими зажимами, с помощью которых они, по-видимому, крепились к органическим устройствам, о чьей природе я даже не хочу задумываться. Я лишь надеюсь – искренне надеюсь, – что, вопреки моим сокровенным страхам, это были восковые изделия работы изощренного мастера.

Великий Боже! Этот шепчущий из тьмы, с его омерзительным запахом и вибрациями! Чародей, эмиссар, двойник, пришлый... Это жуткое приглушенное жужжание... выходит, он все время находился в том новеньком сверкающем цилиндре на полке... бедняга!

«Недюжинные способности в области хирургии, биологии, химии и механики...»

Ибо в кресле я увидел микроскопически точно, до последней мельчайшей детали, воспроизведенное подобие – или подлинник – *лица и кистей рук* Генри Уэнтворта Айкли.

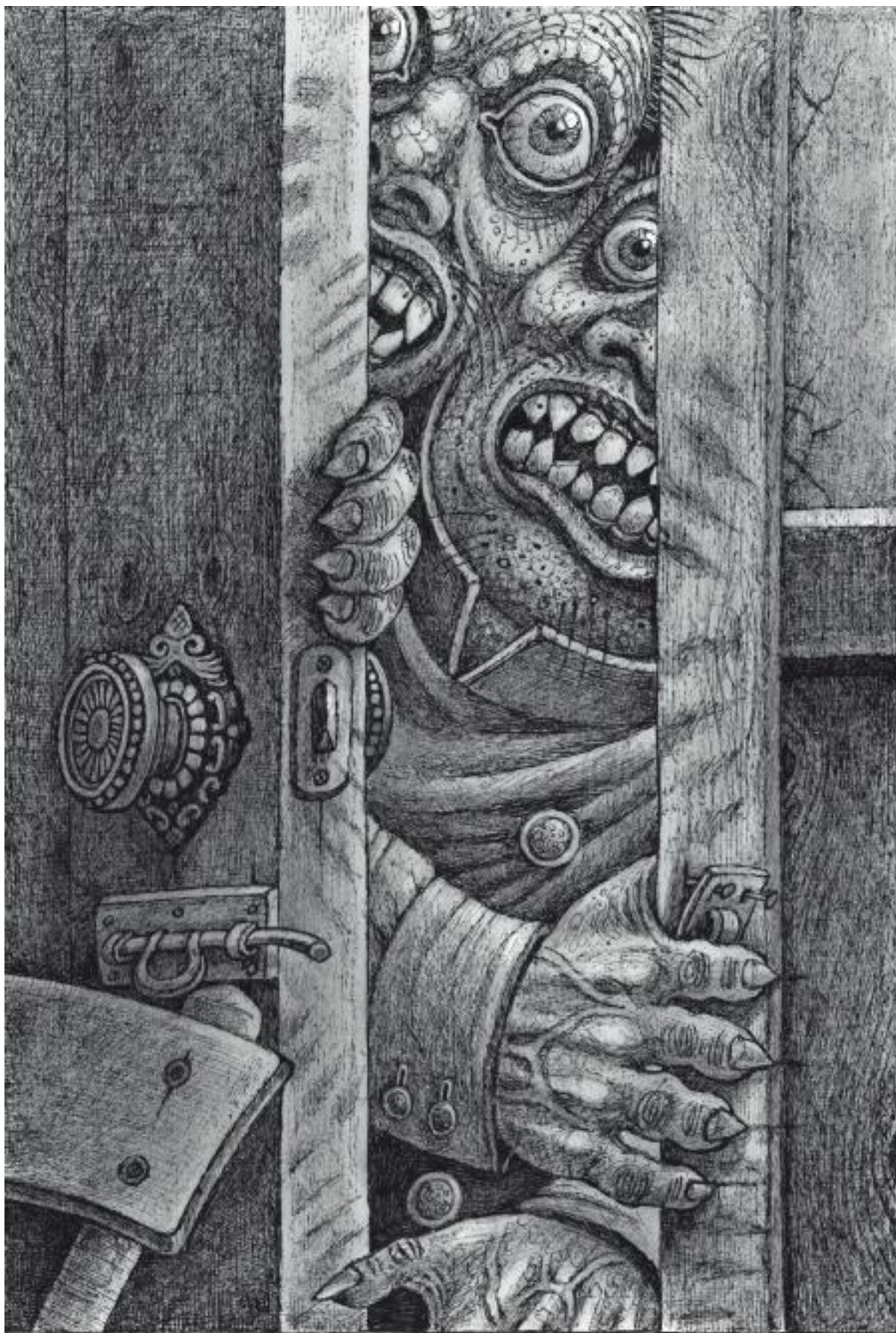
Перевод Олега Алякринского

Примечание

Повесть написана Лавкрафтом в период с февраля по сентябрь 1930 года. Впервые была опубликована в журнале “Weird Tales” в августе 1931 года. В ней впервые описаны Ми-Го – раса летающих инопланетян, также определяемых как «грибы Юггота» (вопреки ожиданиям, в одноименном цикле сонетов эти существа ни разу не упомянуты).

Мгла над Иннсмутом

I

В зиму с 1927-го на 1928 год федеральное правительство проводило засекреченное расследование некоторых странных инцидентов, имевших место в старом портовом городе Иннсмут, в штате Массачусетс. Впервые известие об этом было предано огласке в феврале, после серии рейдов и арестов, за которыми последовала череда поджогов и взрывов – само собой, с соблюдением надлежащих предосторожностей – огромного числа обветшалых, полустгнивших и, как считалось, пустующих домов у заброшенных пирсов. Нелюбопытные обыватели сочли эти облавы очередным эпизодом сумбурной войны с пьянством¹⁴. Те же, кто более пристально следил за новостями, были поражены лавиной арестов, равно как и пугающей численностью вооруженных отрядов, брошенных производить эти аресты, и таинственностью дальнейшей судьбы арестованных. Никто после не слышал ни о судебных процессах, ни даже о предъявлении кому-то внятных обвинений; никто из задержанных не был впоследствии замечен ни в одной из тюрем страны. Распространялись какие-то туманные слухи об эпидемии и концентрационных лагерях, а позднее – о распределении арестованных по разным военно-морским и армейским тюрьмам, но ничего конкретного так и не выявилось. Сам же Иннсмут практически обезлюдел и лишь с недавних пор стал подавать первые признаки медленного возрождения.

Негодующие выступления ряда либеральных организаций спровоцировали долгие кулуарные дискуссии; тогда представителей общественности пригласили посетить ряд неких лагерей и тюрем, и после этих визитов все удивительным образом быстро присмирели и затихли. С газетчиками же справиться оказалось куда труднее, но и они, похоже, в конце концов пошли на сотрудничество с властями. Лишь одна газета – таблоид, который никто не принимал всерьез по причине его безалаберной редакционной политики, – написала про целую *глубоководную субмарину*, якобы выпустившую несколько торпед по морскому дну близ Рифа Дьявола. Но это заявление, случайно подслушанное в популярной у местных моряков прибрежной таверне, представилось мне надуманным – ведь невысокий черный риф лежал ни много ни мало в полутора милях от иннсмутской гавани.

¹⁴ В эти годы в США действовал «сухой закон».

Жители округа и соседних городов судачили меж собой о странностях Иннсмута, но с чужаками не откровенничали. Вообще же разговоры о вымирающем и почти опустевшем городе ходили на протяжении чуть ли не целого века, и вряд ли можно было сказать про него нечто еще более пугающее и фантастичное, чем то, о чем люди тихо шептались и нехотя вспоминали в недавние годы. Многие события прошлого приучили их к скрытности, так что выпытывать у них что-нибудь было бесполезно. Кроме того, они и впрямь мало что знали; ибо бескрайние солончаковые болота, мрачные и безлюдные, отвадили обитателей окрестных городков от посещения Иннсмута.

Но я наконец-то собираюсь приподнять завесу молчания над теми событиями. Ибо уверен: дело это настолько важное, что, если я хотя бы намеком упомяну о находках, столь ужаснувших участников иннсмутского расследования, от этого не будет никакого вреда, ну разве что вызовет у публики отвращение и шок. Кроме того, эти находки, вероятно, можно объяснить по-разному. Не знаю, в полном ли виде история Иннсмута была пересказана мне, но у меня есть веские причины не углубляться во все детали. Ибо мой рассказчик был теснее связан с этим делом, чем иной обыватель, и его рассказ подтолкнул меня к выводам, которые еще вынудят меня радикально изменить мою жизнь...

Ведь это я спешно покинул Иннсмут ранним утром шестнадцатого июля 1927 года, и именно я обратился к правительственным чиновникам с призывом начать расследование и предпринять срочные меры в связи со всеми этими событиями. Я держал язык за зубами, пока события еще были свежи в памяти и не существовало внятного объяснения их подоплеку и природы; но теперь, когда это уже дело прошлое и интерес общественности к нему схлынул, меня гложет странное желание поведать о нескольких страшных часах, проведенных мной в печально известном и объятom мглой тайны морском порту, где поселились смерть и богомерзкое уродство. Этот рассказ поможет мне восстановить веру в здравомыслие и убедить себя, что не я один пал жертвой кошмарных галлюцинаций. Он также поможет мне решиться на некий ужасный шаг, который мне еще предстоит сделать...

Я никогда не слышал об Иннсмуте до того самого дня, как увидел его в первый – и пока что последний – раз в жизни. Я отмечал достижение совершеннолетия поездкой по Новой Англии, положив целью изучение местных достопримечательностей и древностей, а также моей родословной, и планировал отправиться из старинного Ньюберипорта напрямик в Аркхем, родовое гнездо моей матушки. Автомобиля у меня не было, и я путешествовал на поездах, автобусах и перекладных, всегда выбирая самый дешевый маршрут.

В Ньюберипорте мне посоветовали добраться до Аркхема поездом на паровозной тяге, и только оказавшись у железнодорожной кассы и опешив от дороговизны билета, я впервые услышал об Иннсмуте. Жирный, с пройдошливой ухмылкой, билетер, который поговору не показался мне уроженцем здешних мест, посочувствовал моей бережливости и дал совет, не пришедший в голову никому из тех, кто консультировал меня перед дорогой.

– Я б на вашем месте проехал туда на старом автобусе, – сказал он задумчиво, – правда, его тут не больно жалуют – ведь он идет через Иннсмут, а вы, наверно, уже слышали о нем, – вот люди и не любят на нем ездить. Автобусную линию содержит иннсмутец Джо Сарджент – но здесь, да и в Аркхеме, наверно, пассажиров у него кот наплакал. Странно, что этот автобус вообще еще остался. Билеты на него хоть и дешевые, но я ни разу не видел в нем больше двух-трех пассажиров – никто, кроме иннсмутцев, им не пользуется. Отходит от площади – остановка перед аптекой Хэммонда – в десять утра и в семь вечера, если только не поменяли расписание. С виду жалкий драндулет – я на нем ни разу не ездил...

Вот так я впервые узнал о существовании Иннсмута. Меня точно заинтересовало бы любое упоминание городка, отсутствующего на расхожих картах или не упомянутого в современных путеводителях, и странная манера билетера говорить так уклончиво вызвала у меня естественное любопытство. Городок, к которому местные жители испытывают столь явную

неприязнь, подумалось мне, всяко должен быть чем-то заслуживающим внимания туриста; и раз уж он находился по дороге в Аркхем, мне захотелось непременно сделать там остановку, поэтому я попросил билетера рассказать о городке поподробнее. Он согласился весьма охотно и начал вещать, не скрывая пренебрежительного отношения к теме своего монолога.

– ...Иннсмут? Ну что тут можно сказать... чудной такой, доложу, городишко в устье реки Мануксет. Раньше, еще до войны 1812 года, был большой город с морским портом, да в последние сто лет все там разладилось, одна память осталась от бывшего величия. Теперь даже железнодорожного сообщения с ним нет – Бостонско-Мэнскую ветку туда так и не дотянули, а местная чугушка от Раули уже много лет как бурьяном поросла. Я вам так скажу: пустых домов там сейчас больше, чем осталось жителей, которые, считай, ничем уже и не занимаются, кроме ловли рыбы да омаров. Теперь вся торговля процветает либо здесь у нас, либо в Аркхеме, либо в Ипсвиче. Когда-то там было несколько фабрик, а теперь ничего, считай, нет – один аффинажный заводик, и тот раскошегаривается раз в год по обещанию. Одно время, правда, этот завод был крупным предприятием; старик Марш, его владелец, был побогаче Пирпонта Моргана. Тот еще старый гусак! Теперь вот сидит сиднем дома. Люди говорят, у него к старости то ли кожная болезнь развилась, то ли какая-то хвороба костей выявилась, вот он на людях и перестал появляться. Он приходится внуком капитану Овидию Маршу, который и начал заниматься очисткой золота. А мать его была вроде как иностранка – говорят, с островов Южных морей... Знали бы вы, как все тут галдели, когда он женился на девушке из Ипсвича, пятьдесят лет тому. Тут у нас всегда по поводу иннсмутцев галдят – потому здешние и те, кто с соседних городов, всегда стараются скрыть свое кровное родство с иннсмутскими. Но по мне, дети и внуки Марша выглядят не ужаснее прочих. Мне местные на них пальцем указывали... Хотя, ежели подумать, то его старшие дети чего-то давненько не появлялись... А вот самого старика я вообще ни разу в жизни не видел.

А отчего все так взъелись на этот Иннсмут? Ну, молодой человек, вы особенно не берите в голову все, что люди здесь говорят. Завести их трудно, а уж коли завелись, то не остановишь. Об Иннсмуте всякие истории рассказывают – и всё ведь втихаря, украдкой, – считай, последние лет сто, и, по-моему, тут все дело в людском страхе, а больше ни в чем. Какие-то из этих историй вызовут у вас смех, и только – ну, например, о том, будто старый капитан Марш обдывал делишки с дьяволом и переманивал бесенят из ада в Иннсмут на жительство, или о каком-то дьявольском ритуале и жутких жертвоприношениях в гиблых местах возле пирсов, на которые случайно наткнулись в 1845 году или вроде того... Сам-то я родом из Пантона, что в Вермонте, и во все эти бредни не верю.

Вам бы, правда, стоило послушать рассказы наших старожилков о черном скалистом массиве недалеко от берега – Риф Дьявола, так его называют. Он возвышается над морем и редко когда весь уходит под воду, но и островом его не назовешь. Говорят, на этом рифе обитает целое воинство дьяволов, которых изредка там замечают: они то лежат на нем, то прячутся в пещерах на его вершине. Весь этот риф – неровная, изрезанная волнами гряда скал в миле от берега или поболее, и уже на исходе торгового судоходства моряки обычно делали большой крюк, лишь бы не напороться на этот проклятый риф. Ну, то есть те моряки, кто не был родом из Иннсмута... А недолюбливали они старого капитана Марша за то, что он, по слухам, частенько высаживался на риф по ночам во время отлива. Ну, может, он и впрямь высаживался, потому как, доложу я вам, скалы там шибко занятные, или, может, он искал там спрятанную добычу пиратов – а может, даже и нашел что... Но еще люди говорили, что именно там он обдывал свои делишки с нечистой силой. Если хотите знать мое мнение, у этого рифа дурная слава именно из-за капитана Марша.

А было это еще до большой эпидемии 1846 года, что выкосила больше половины жителей Иннсмута. Тогда так и не установили, в чем причина их напастей, но, по моему разумению, ту дурную болезнь к ним занесли морячки из дальних плаваний, из Китая или еще откуда-то.

Страшная была хворь, что и сказать, – из-за нее по городу бунты прокатились и творились всякие кошмарные дела, но я так думаю: за пределы города не выползла она. Вот из-за этой самой болезни город зачах, а после так и не оправился. Сейчас там живут человек триста-четыреста, не больше.

Но я так скажу: истинная причина дурного отношения к Иннсмуту – обычные расовые предрассудки. И я даже не осуждаю тех, кто их разделяет. Я и сам терпеть не могу этих иннсмутцев и ни за какие коврижки к ним в город не поеду. Вы, должно быть, знаете – хотя, судя по вашему выговору, вы с Запада, – что в те времена очень много кораблей из Новой Англии вели торговлю в сомнительных портах у берегов Африки, Азии, на островах Южных морей и бог знает где еще; и привозили они с собой из плаваний сомнительных людишек. Вы, может, слышали о моряке из Салема, что вернулся домой с женой-китайкой, и еще где-то на Кейп-Коде все еще обитает шайка туземцев с Фиджи.

Ну и естественно предположить, что подобные чужаки заселили Иннсмут. Городок всегда был напрочь отрезан от соседних поселков непроходимыми болотами да глубокими ручьями, так что мы толком и не знаем, как там у них обстоят дела. Но совершенно ясно, что старый капитан Марш наверняка привез домой каких-то диковинных существ – еще в те времена, когда все его три корабля выходили в море, то бишь в двадцатые-тридцатые годы. Факт: сегодня среди иннсмутцев встречается немало субъектов, прямо скажем, безобразной внешности... не знаю, как вам объяснить, но увидишь таких – и в холодный пот швырнет. Вы сразу заметите эту безобразность и в Сардженте, если поедете на его автобусе. У некоторых из них ненормально узкие головы, приплюснутые носы и выпученные блестящие глаза, которые никогда не закрываются, и с кожей у них явно что-то не так. Она огрубевшая и вся покрыта чешуйками, а шеи у них то ли в морщинах, то ли в складках. И лысеют они рано, уже в юности. Хуже всего выглядят взрослые мужчины. И вот еще что: я ни разу не видал их стариков! Это факт. Может, они сразу сдыхают, увидав себя в зеркале? Животные их тоже не выносят – раньше, когда еще не было автомобилей, у них лошади часто бесились.

Никто ни здесь, ни в Аркхеме или Ипсвиче не хочет с ними связываться, да и к ним тоже не подойди, когда они сами появляются тут в городе или когда кто-то из здешних пробует рыбачить в их водах. Странные дела: вблизи иннсмутской бухты всегда ходит рыба – крупная, жирная, а в других местах – ни рыбешки! Так вот: стоит вам забросить там сеть – они на вас сразу налетят со всех сторон и погонят прочь! Раньше они приезжали сюда по железной дороге; потом, когда их ветку закрыли, стали ходить пёхом до Раули и там садились на поезд, а теперь пользуются вот этим автобусным маршрутом.

Да, есть в Иннсмуте гостиница – называется «Гильман-хаус», – но навряд ли тамошние условия будут вам по душе. Не советую туда даже заходить. Лучше переночуйте здесь, завтра утром отправляйтесь в Иннсмут десятичасовым автобусом, а оттуда уедете в Аркхем вечерним автобусом, который отправляется в восемь. Приезжал туда пару лет назад один инспектор фабрик, так он снял номер в «Гильман-хаусе», и, доложу я вам, очень неприятные впечатления у него остались от того места. Похоже, у них там обретается сомнительный сброд, ведь тот инспектор слышал голоса из других номеров, – при том, что большинство номеров пустовало! – от которых у него мурашки по коже бегали. Ему почудилось, что лопочут иностранцы, но, по его словам, больше всего напугал один голос, который время от времени вступал в разговор. Голос этот звучал так ненатурально – как он выразился, был похож на хлюпанье – и так страшно, что он не смог даже раздеться и лечь в кровать. Так и просидел до утра не сомкнув глаз и чуть свет пустился оттуда наутек. А голоса галдели всю ночь!

Этот инспектор, Касей его фамилия, рассказывал, что иннсмутцы следили за ним во все глаза, словно сопровождали его... и вроде как все время были начеку. Захаживал он и на аффинажный завод Марша – говорит, очень странное предприятие в здании сукновальной фабрики у нижних порогов Манускета. Касей повторил все то, что я и без него слышал. В бухгалтерских

книгах у них черт ногу сломит, никаких следов какой бы то ни было деловой активности. Знаете, для нас всегда оставалось загадкой, откуда Марш берет золото, которое он там очищает. Они вроде никогда не занимались скупкой золота, а вот много лет назад их корабль вернулся в порт с большим грузом золотых слитков.

Еще люди говорили о диковинных драгоценностях, которыми моряки и работники аффинажного завода иногда приторговывали из-под полы, – кто-то видел пару раз эти цапки на женщинах из рода Маршей. Народ решил, что, должно быть, старый капитан Овидий Марш выменял эти украшения у туземцев в каком-нибудь заморском порту, потому как он всегда перед плаванием закупал горы стеклянных бус и побрякушек, какие мореплаватели обычно брали с собой для торговли с туземцами. А кто-то считал – и до сих пор считает, – что он нашел-таки пиратский клад на Рифе Дьявола. Но вот что странно. Старый капитан уже шестьдесят лет как умер, и ни один большой корабль не покидал иннсмутский порт со времен Гражданской войны; но тем не менее семья Маршей, как я слышал, продолжает закупать безделушки. Может, иннсмутским дуралям просто нравится напяливать их самим и красоваться друг перед другом, хе-хе... Бог их знает... может, они сами уже стали такими же дикарями, как каннибалы Южных морей и гвинейские туземцы?

Та эпидемия сорок шестого года погубила лучших из лучших в их городе. Как ни посмотри, теперь там проживает сомнительный народец. И Марши, и другие богатые семьи – такие же вырожденцы, как и прочие в Иннсмуте. Я же говорю: во всем городе осталось не больше четырехсот жителей, хотя улиц и домов там не счесть сколько. По моему разумению, там осталось одно жалкое отродье, которое в южных штатах называют «белой рванью»: хитрые, подлые, не признающие закон людишки, чья жизнь – сплошная тайна за семью печатями. Они вылавливают солидно рыбы и омаров и вывозят улов грузовиками. Странно, что рыба косяками приходит только в их бухту, а больше никуда. Да никто толком не знает, сколько их там вообще жителей! Когда туда приезжают школьные инспекторы да переписчики населения, они им задают ту еще работку! И точно вам говорю: любопытным приезжим, которые суят нос в чужие дела, в Иннсмуте не поздоровится! Я своими ушами слышал, что там исчезли несколько заезжих бизнесменов и чиновников, а еще рассказывали – и это факт! – об одном бедолаге, который там свихнулся и теперь сидит в Данверсе¹⁵. Во какого страха они напустили на парня!

Потому-то я и говорю: на вашем месте я бы туда не ездил на ночь глядя, и сам я не горю желанием туда наведываться. Хотя, может, если поехать туда днем – риск не велик, но здешние будут хором вас отговаривать. Правда, ежели вам только посмотреть, что там и как, и ежели вы интересуетесь здешней стариной, то Иннсмут – то что надо!..

...Я провел несколько вечерних часов в публичной библиотеке Ньюберипорта в поисках сведений об Иннсмуте. Когда я приступал с расспросами к местным жителям в лавках, таверне, в гаражах и в пожарной части, то выяснялось, что завести с ними разговор об Иннсмуте еще сложнее, чем думал словоохотливый билетер на станции, и я решил не тратить время. Они отнеслись ко мне с необъяснимой подозрительностью, словно всякий, кто проявляет живой интерес к странному городу, по их мнению, был отмечен печатью порока. Клерк местного отделения Ассоциации молодых христиан категорически осудил мое желание посетить столь жалкое и убогое место; и все, с кем я успел побеседовать в городской библиотеке, высказались в таком же духе. Стало ясно, что в глазах образованной части горожан Иннсмут являл собой яркий пример общественного вырождения.

Найденные мной на библиотечных полках труды по истории округа Эссекс содержали мало сведений об Иннсмуте: город был основан в 1643 году, перед Революцией вырос в крупный центр кораблестроения, в начале XIX века стал цветущим торговым портом, а позже обратился в фабричный городок, чьим главным энергоресурсом была река Мануксет. Об эпидемии

¹⁵ Подразумевается реально существующая окружная психиатрическая лечебница в г. Данверс, Массачусетс.

и волнениях 1846 года упоминалось походя, точно они составляли самые позорные страницы в истории округа. О периоде упадка Иннсмута тоже говорилось вскользь, хотя важность событий позднего периода его истории сомнений не вызывала. После Гражданской войны вся местная промышленность свелась к той самой аффинажной компании Марша, и торговля золотыми слитками оставалась последним видом некогда кипучей деловой активности города, помимо неизменного рыболовного промысла. При том, что из-за спада ценника на рыбу и успешной конкуренции со стороны крупных корпорантов рыболовство приносило все меньше дохода, в районе гавани рыба не переводилась никогда. Иностранцы селились там редко, и я нашел ряд завуалированных свидетельств, что поселения поляков и португальцев, пытавшихся осесть в этих краях, почему-то все распались, не закрепившись.

Наибольший мой интерес вызвало коротенькое упоминание о странных драгоценных изделиях, непонятно как связанных с Иннсмутом. Эти драгоценности явно были у местной публики притчей во языцех; так, упоминались некие предметы, демонстрируемые в музее Мискатоникского университета в Аркхеме и в зале экспозиций Исторического общества Ньюберипорта. Описания изделий были скудны и бессодержательны, но в них угадывалось подспудное указание на необычное происхождение этих украшений, так взбудоражившее меня, что я, несмотря на вечерний час, твердо решил увидеть своими глазами один из местных экспонатов, описанный как «крупное изделие причудливой формы»; вероятно, нечто вроде тиары. Теперь оставалось только это как-то устроить.

Хранитель библиотеки дал мне записку для куратора Общества, миссис Анны Тилтон, жившей неподалеку, и после недолгих объяснений старушка оказалась столь любезна, что провела меня в уже закрытое для посетителей здание, благо было еще не слишком поздно. Коллекция оказалась и впрямь довольно впечатляющей, но, пребывая в волнении, я ни на что другое глядеть не мог, кроме как на угловой шкаф, в котором лежал странный предмет, поблескивающий в сиянии электрических ламп. Даже не обладая неким особо утонченным чувством прекрасного, я буквально обмер при виде диковинного артефакта, рожденного чьей-то по-неземному богатой фантазией. Он лежал на пурпурной бархатной подушечке; даже теперь я едва ли смогу точно описать увиденное мною, хотя это была, как явствовало из описания, «тиара». Довольно высокая спереди, с крупными, неровными боковинами, эта вещь словно предназначалась для головы причудливой эллиптической формы. Тиара почти что целиком была изготовлена из золота; странный светлый глянец указывал на необычный сплав золота со столь же красивым металлом непонятной природы. Изделие находилось почти в идеальном состоянии, и можно было часами стоять перед ним, изучая изумительные чарующе причудливые орнаменты – какие-то просто геометрические, другие выдержанные в морской тематике, – с изысканным мастерством вычеканенные или рельефно выбитые на поверхности.

И чем дольше я смотрел на этот предмет, тем больше он меня завораживал; и к этой завороженности примешивалось некое странное ощущение тревоги, смутное и необъяснимое. Сперва я решил, что мое волнение вызвано необычным характером тончайшего мастерства, казавшегося потусторонним. Все прочие произведения искусства, какие я видел ранее, либо были созданы в известных традициях культуры той или иной расы или народа, либо представляли собой нарочитые модернистские отклонения от любых узнаваемых норм. Но эта тиара не была ни тем, ни другим. Ее создали в какой-то канонической технике, доведенной до высочайшего уровня совершенства, но эта техника была абсолютно далека от любого – европейского или азиатского, древнего или современного – стиля из тех, что я знал или чьи образцы я видел. Создавалось впечатление, что это филигранное творение мастера из иного мира.

Позже я осознал, что охватившая меня тревога возникла под действием другого, вероятно более мощного, импульса: изобразительных мотивов в причудливых орнаментах тиары, перемежающихся с математической точностью. Эти орнаменты словно намекали на далекие тайны и невообразимые бездны времени и пространства, а монотонно повторяющиеся

в рельефных фигурах морские мотивы обрели вдруг почти что зловещую суть. Среди образов угадывались сказочные чудища, причудливо сочетающие жуткое уродство и бесстыдство людей с отчужденной бесчеловечностью рыб и земноводных. Они вызывали у меня некие навязчивые и неприятные псевдовоспоминания, как если бы это были некие таинственные образы, всплывшие из жуткой пучины первобытной памяти. Временами чудилось мне, что рельефные контуры этих нечестивых людей-рыб сочатся ядовитой эссенцией неведомого и беспощадного зла.

Станным контрастом жутковатому виду тиары была ее короткая и прозаичная история, которую мне поведала миссис Тилтон. В 1873 году эту тиару буквально за гроши сдал в ломбард на Стейт-стрит пьяный житель Иннсмута, вскоре после того зарезанный в уличной драке. Историческое общество выкупило ее у хозяина ломбарда и сразу выставило на обозрение, отведя находке видное место в экспозиции. Экспонат снабдили этикеткой, на которой указали местом вероятного изготовления тиары Восточную Индию или Индокитай, хотя эта атрибуция отдавала откровенной произвольностью.

Старая миссис Тилтон, сравнив все возможные гипотезы о происхождении тиары и ее появлении в Новой Англии, была склонна считать, что изделие находилось в пресловутом пиратском кладе, найденном капитаном Овидием Маршем. Справедливость мнения, между прочим, нашла подтверждение в настойчивых предложениях о выкупе тиары за огромные деньги, которые стали поступать Обществу от семейства Маршей, как только те прознали о ее местонахождении. Они неустанно делают их и по сей день, несмотря на решительный отказ Общества расстаться с артефактом. Проводив меня из здания, добрая старушка дала понять, что с пиратской версией происхождения богатства Маршей единодушно согласны далеко не самые глупые жители этого края. В ее же собственном отношении к объятому мглой Иннсмуту – где она сама никогда не бывала – сквозило отвращение к общине, которая в культурном смысле пала ниже некуда. Миссис Тилтон уверила меня, что слухи о распространенном в городе ритуале поклонения морскому черту отчасти подтверждались существованием странного тайного культа, бытующего там и охватившего приверженцев всех канонических вероисповеданий.

Этот культ назывался, по ее словам, «Эзотерическим Орденом Дагона» и без сомнения был вульгаризированным квазиязыческим верованием, занесенным туда с Востока еще в прошлом веке – в ту самую пору, когда рыбные места Иннсмута внезапно оскудели. Его распространение среди малограмотных простолюдинов – дело вполне естественное, если учесть неожиданное возвращение рыбного изобилия в иннсмутских водах. Адепты Ордена в самом скорейшем времени стали пользоваться в городе огромным влиянием, полностью вытеснив местных франкмасонов и заняв под свою штаб-квартиру старый масонский храм на площади Нью-Черч-Грин.

Все это, по мнению набожной старухи, служило разумным поводом игнорировать сей очаг упадка и деградации. Я же, напротив, увидел лишний довод в пользу поездки. К моему любопытству энтузиаста архитектуры и истории теперь еще добавился и азарт антрополога-любителя – и я, находясь в возбужденном предвкушении путешествия, почти всю ночь не сомкнул глаз в своей крошечной комнатухе в общежитии Молодых христиан.

II

Наутро около десяти часов я уже стоял с небольшим саквояжем в руках перед аптекой Хэммонда на старой площади Маркет-сквер. В ожидании иннсмутского рейсового автобуса я наблюдал за горожанами: к остановке не подошел ни один, и люди в основном шатались без дела по улице или забредали в таверну «Айдол ланч» на дальнем околотке площади. Похоже, говорливый билетер ничуть не преувеличил неприязни, которую здешние жители испытывали

к Иннсмуту и его обитателям. Через несколько минут небольшой автобус, грязно-серого цвета и неопишимо дряхлый, протарахтел по Стейт-стрит, развернулся и затормозил у тротуара рядом со мной. Я сразу догадался, что именно он мне и нужен; эту догадку подтвердила прикрепленная к лобовому стеклу табличка с выцветшей надписью: АРКХЕМ – ИННСМУТ – НЬЮБЕРИПОРТ.

В салоне было всего три пассажира: смуглые неопрятные мужчины крепкого сложения с мрачными лицами; когда автобус остановился, они, неуклюже волоча ноги, высадились из него и пошли вверх по Стейт-стрит – молча и едва ли не крадучись. За ними появился и водитель; он направился в аптеку – видимо, за покупками. «Ага, – подумал я, – это и есть Джо Сарджент, о котором мне рассказывал билетер». И не успел я внимательно его рассмотреть, как накатила волною оторопь, которую я не мог ни обуздать, ни объяснить. Мне вдруг стало ясно, почему здешние жители не хотят ни ездить на автобусе, владельцем и водителем которого был Сарджент, ни посещать город, где проживал этот человек и его земляки.

Когда водитель вышел из аптеки, я присмотрелся к нему и попытался понять причину произведенного им на меня неприятного впечатления. Это был тощий сутулый мужчина чуть меньше шести футов росту, в поношенном синем сюртуке и потрепанной кепке для гольфа. На вид ему было лет тридцать пять, но из-за глубоких морщинистых складок на шее он мог бы казаться старше, если бы не его туповатое, ничего не выражающее лицо. У него была узкая голова, выпученные водянисто-голубые глаза, которые, похоже, никогда не моргали, приплюснутый нос, маленький покатый лоб и такой же подбородок и, что особенно бросалось в глаза, – недоразвитые ушные раковины. Над его длинной толстой верхней губой и на пористых землистых щеках не замечалось никакой растительности, кроме очень редких желтоватых волосков, торчащих курчавящимися клоками, причем в некоторых местах его лицо было покрыто странными струпьями, точно его поразила экзема. Его большие, с набрякшими венами, руки имели странный серовато-голубой оттенок. Пальцы были непропорционально коротки и расположены так близко друг к другу, что странным образом казалось, будто их связывают между собой кожистые перепонки.

Пока водитель шел к автобусу, я отметил про себя его нелепую шаркающую походку и необычайно длинные ступни. Разглядывая их, я невольно задумался, где же он покупает себе подходящую по размеру обувь. Весь он был какой-то скользко-маслянистый, что лишь усугубило мою неприязнь. Он явно изо дня в день только и делал, что крутил руль своего тарантаса да шатался по рыбным складам, – об этом свидетельствовал исходящий от него сильный запах тухлой рыбы. Но какие чужие крови были в нем намешаны – я мог лишь догадываться. Его странная внешность не выдавала в нем ни азиата, ни полинезийца, ни левантийца¹⁶ или негроида, но я теперь понимал, отчего люди считали его инородцем. Впрочем, я бы сказал, что в нем угадывались черты не чужеземного происхождения, а генетического вырождения.

Я огорчился, поняв, что буду единственным пассажиром в автобусе. Меня, честно говоря, совсем не обрадовала перспектива ехать одному в компании с этим водителем. Но время отправления приближалось, и, поборов сомнения, я вошел в салон следом за ним и протянул ему доллар, пробормотав единственное слово: «Иннсмут». Он с любопытством смерил меня взглядом и без лишних слов вернул сорок центов сдачи. Я выбрал себе место далеко позади водительского сиденья, прямо у него за спиной, потому что мне хотелось во время поездки полюбоваться морским берегом.

Наконец рыдван дернулся с места и с грохотом покатил по Стейт-стрит мимо старых кирпичных домов, выпуская из выхлопной трубы клубы сизого дыма. Глядя на идущих по тротуару пешеходов, я подумал: они всем своим видом хотят показать, что не видят этот автобус...

¹⁶ Левантийцы (от фр. *levant* – восток) – распространенное наименование народов, проживающих в районе Восточного Средиземноморья: египтян, сирийцев, турок, греков и т. д.

Когда мы свернули налево на Хай-стрит, дорога стала ровнее; автобус резво промчался мимо импозантных старых особняков времен молодой республики и еще более древних фермерских колониальных домов. Потом мы пересекли реки Лоэр-Грин и Паркер-ривер и оказались среди бесконечно-однообразных просторов прибрежной равнины.

День был теплый и солнечный, но береговой пейзаж, перемежающий песчаные дюны с зарослями тростника и чахлыми кустарниками, становился все более пустынным. Из окна я видел голубые воды океана и песчаный берег острова Плам. Вскоре мы свернули с главного шоссе на Раули и Ипсвич и поехали по узкому проселку почти вплотную к песчаному взморью. Вокруг не было видно ни единой постройки; судя по состоянию дороги, в этих краях редко передвигались на автомобилях. По обветренным телефонным столбам ползли лишь два провода. То и дело мы ехали по старым деревянным мостам над ручьями, убежавшими в глубь материка и служившими природной преградой между этим пустынным краем и остальным штатом.

Порой я замечал темные пни и останки фундаментов, торчащие из зыбучих песков, и мне вспомнилась старинная легенда, о которой я прочитал в книге по истории здешних мест. Легенда гласила, что некогда это был благодатный и плотно населенный край, но все резко изменилось после иннсмутского поветрия 1846 года. Как повелось у недалеких фермеров, эти перемены сразу стали связывать с произволом неких тайных темных сил. На самом деле причиной запустения стала бездумная вырубка прибрежных лесов, лишившая местную почву надежной защиты и открывшая путь для скорого наступления берегового песка, приносимого дующими с моря ветрами.

И вот остров Плам скрылся из виду, и слева я увидел бескрайние просторы Атлантики. Наша узкая дорога начала карабкаться вверх по крутому склону, и меня вдруг охватило неприятное беспокойство, когда я заметил впереди одинокий горный хребет, где ухабистый проселок встречался с небом. Можно было подумать, что автобус готов без остановки продолжить движение вверх по склону, чтобы через несколько миль оторваться от земли и слиться с неведомой тайной эфира и загадочных небес. Запах моря неожиданно стал каким-то зловещим, а сутулая спина молчаливого водителя и его узкая голова показались мне еще более омерзительными. Глядя на него, я заметил, что его затылок, как и лицо, практически безволосый, и лишь местами из сизой чешуйчатой кожи торчали редкие желтые пряди.

Затем мы достигли вершины хребта, и моему взору открылась широкая долина, где Мануксет впадал в море к северу от длинной гряды скал с высочайшим пиком Кингспорт-Хед; гряда уходила в сторону полуострова Кейп-Энн. На дальнем туманном горизонте я мог различить лишь величественный профиль пика, увенчанный диковинным старинным домом, упоминавшимся во многих легендах; но в какой-то момент мое внимание привлекла открывшаяся прямо под нами панорама города. И тут я понял, что это и есть окутанный мглой тайны Иннсмут.

В этом широко раскинувшемся городе с довольно плотной застройкой меня сразу же неприятно поразило отсутствие признаков кипучей жизни. Над крышами торчали легионы печных труб, но дымок вился лишь из очень немногих. Три высокие серые башни отчетливо выделялись на фоне морского горизонта. Шпиль на одной из них давно обвалился, и на ней, как и на ее соседке, вместо циферблата часов зиял черный провал. Необъятная для взора масса провисающих двускатных крыш и ветхих фронтонов с пронзительной ясностью обличала явный и далеко зашедший упадок. По мере продвижения по пустынной дороге я все отчетливее видел, что многие крыши держатся лишь на куцых обломках стропил, а некоторые обвалились целиком. Еще я заметил несколько крупных особняков в георгианском стиле, с куполообразными башенками и смотровыми площадками на крышах. Они располагались на приличном расстоянии от набережной; по меньшей мере два из них были в хорошем состоянии. От построек из города в глубь материка тянулись покрытые ржавчиной и травой рельсы

брошенной железнодорожной ветки с телеграфными столбами без проводов по обеим ее сторонам да еле заметные ленты старых проселочных дорог на Раули и на Ипсвич.

Приметы запустения особенно бросались в глаза в прибрежных кварталах, но и там я сумел разглядеть белую колокольню над неплохо сохранившимся кирпичным зданием, с виду – небольшим заводом. Гавань, давно заметенную песком, ограждал от моря древний каменный волнорез, на котором, напрягши зрение, я различил крохотные фигурки рыбаков; на самом его краю высились останки фундамента от давно не существующего маяка. От каменного волнореза в глубину гавани длинным языком тянулась песчаная коса, на которой я заметил несколько ветхих лачуг, причаленные плоскодонки да разбросанные верши для ловли омаров. Единственное глубокое место в бухте, похоже, было там, где река разливалась позади здания с колокольней и потом резко изгибалась к югу, прежде чем встретиться с океаном в самом конце волнореза.

Там и сям вдоль берега торчали прогнившие руины пирсов; те, что были в южной части гавани, казались давным-давно заброшенными и полностью изъеденными гнилью. А далеко в море, несмотря на прилив, я заметил длинную черную полосу, едва виднеющуюся над водой и навевавшую мысли о древней тайной пагубе. Это, вероятно, и был печально знаменитый Риф Дьявола. Глядя на него, помимо мрачного отвращения я вдруг ощутил некую необъяснимую тягу к нему; как ни странно, эта его смутная притягательность встревожила меня гораздо больше, нежели первоначальное отвращение.

На дороге нам никто не встретился, и вскоре мы поехали мимо заброшенных ферм в разной стадии упадка. Потом я заметил несколько обитаемых домов – их выбитые окна были законопачены тряпьем, а дворы усеяны битыми ракушками и дохлой рыбой. Раз или два я видел взрослых мужчин, вяло копающихся на пустых огородах или выковыривающих из берегового песка моллюсков, да чумазных детишек с обезьяньими личиками, игравших подле заросших бурьяном крылец своих домов. Вид этих людей показался мне даже более гнетущим, чем самые унылые городские пейзажи, поскольку в их движениях, а также почти на всех лицах проступало нечто противное и даже противоестественное, – хотя я и не смог бы четко сформулировать, за счет чего создавалось такое впечатление. На секунду картинка за автобусным окном словно бы напомнила мне гравюру из какой-то книги; не иначе как я разглядывал ее в состоянии исключительного ужаса и подавленности. Но это мимолетное и недооформленное воспоминание промелькнуло очень быстро – и испарилось.

Когда автобус съехал со склона в низину, я уловил в неестественной тишине далекий шум водопада. Здесь покосившиеся некрашенные домишки плотно теснились друг к другу по обеим сторонам дороги и больше походили на городские постройки, нежели те лачуги, что остались позади. За лобовым стеклом теперь я мог видеть только улицу. Я сразу заметил участки, где проезжая часть некогда была вымощена булыжниками, а тротуары выложены кирпичом. Все дома в этой части города были явно заброшены, и между ними то и дело попадались небольшие пустыри, где лишь обвалившиеся дымоотводы и закопченные стены подвалов скорбно напоминали о кипевшей тут некогда жизни. Всюду стоял скверный рыбный смрад.

Вскоре показались перекрестки и развилки улиц: те, что слева, убегали к прибрежным кварталам, где на немощных улицах царил убогое запустение, а те, что справа, вели в мир былой роскоши. До сих пор я еще не увидел ни единого человека на городских улицах, зато в домах появились скудные приметы жизни: портьеры на окнах, драные половики у порогов, старенькие автомобили у дверей. Проезжая часть и тротуары были здесь в заметно лучшем состоянии, чем в иных частях города; хотя большинство деревянных и каменных домов были явно старой постройки – начала девятнадцатого века, – все они оставались вполне пригодными для проживания. Очутившись в этом богатом районе, сохранившемся с прошлого века, я, как истый любитель древности, сразу избавился и от гадливости, которую провоцировала вездесущая рыбная вонь, и от подсознательного чувства угрозы.

Но окончание поездки ознаменовалось для меня потрясением весьма неприятного свойства. Автобус выехал на открытую площадь, по обе стороны которой высились церкви, а в центре виднелись грязные остатки круглой клумбы. Но тут мое внимание привлекло величественное здание с колоннами на перекрестке справа. Некогда белая краска на его стенах посерела и во многих местах облупилась, а черно-золотая вывеска на каменном постаменте настолько потускнела, что я лишь с превеликим усилием смог прочитать слова «Эзотерический Орден Дагона». Значит, это бывший масонский храм, занятый теперь неоязычниками! Пока я разбирал блеклые литеры на постаменте, с дальней стороны улицы раздался пронзительный бой надтреснутого колокола. Я поспешно повернул голову и выглянул в окно.

Звуки колокола доносились с приземистой каменной церкви в псевдоготическом стиле, явно выстроенной гораздо позже, чем окрестные дома; у нее был непропорционально высокий подвальный этаж, где все окна были наглухо закрыты ставнями. Хотя обе стрелки на башенных часах отсутствовали, я сосчитал пронзительные удары и понял, что бой возвестил одиннадцать часов. И тут мои мысли о времени внезапно были сметены мимолетным, но необычайно отчетливым видением и волной неминуемого ужаса, обуявшего меня, прежде чем я смог догадаться, в чем, собственно, дело. Дверь в церковный погреб была распахнута, и в проеме виднелся прямоугольник крошечной тьмы. Когда я заглянул в дверной проем, некая фигура стремительно возникла и исчезла – или мне так показалось – на его фоне, заставив меня невольно заподозрить нечто ужасное. Впрочем, если рассудить здраво, в этой фигуре ничего кошмарного не было – и быть не могло!

Это был человек – не считая водителя, первый увиденный мной после того, как автобус въехал в центральную часть города, – и, не будь я в столь возбужденном состоянии, я бы не усмотрел в нем ничего ужасного. Через мгновение я догадался, что увидел пастора в диковинном ритуальном облачении, которое стало общепринятым после того, как Орден Дагона изменил обряды в местных церквях. И то, что, по всей видимости, привлекло мое внимание и вызвало мимолетный приступ необъяснимого ужаса, оказалось высокой тиарой на его голове – почти точной копией той, что миссис Тилтон показывала мне недавно. Да, именно эта тиара, взбудоражив мою фантазию, заставила меня приписать зловещие черты человеку в странном облачении, которого я заметил в темном церковном подвале. Так что, сделал я вывод, нет ровным счетом никакого разумного объяснения охватившему меня приступу паники. Ничего удивительного, что местный таинственный культ использует в качестве атрибута своего ритуального облачения диковинный головной убор, который, как считали местные жители, попал сюда загадочным образом – вроде как из старинногоклада.

Только теперь на тротуаре появились редкие прохожие – молодежь отталкивающей наружности, передвигавшаяся смешанными молчаливыми группками по двое-трое. Кое-где в нижних этажах обветшалых зданий располагались мелкие лавчонки с вылинявшими вывесками, и, пока мы ехали мимо, я заметил один-два припаркованных грузовичка. Шум падающей воды стал громче, и вскоре я увидел впереди реку, протекавшую по довольно глубокому ущелью, через которое был перекинут широкий мост с железными перилами; дальше за мостом виднелась большая площадь. Когда автобус с грохотом катил по мосту, я глазел по сторонам, рассматривая фабричные здания на поросшем травой пустыре впереди. Река под мостом была полноводная, и я заметил справа выше по течению два мощных водопада и минимум еще один – чуть ниже. На мосту рев низвергающейся воды стал чуть ли не оглушающим. Миновав мост, автобус выехал на большую полукруглую площадь и подкатил к фасаду высокого, увенчанного куполом здания с остатками желтой краски на стенах и с полустертой вывеской, гласившей, что это и есть «Гильман-хаус».

Я с облегчением вышел из автобуса и, зайдя в обшарпанный вестибюль гостиницы, сразу же пристроил свой саквояж в гардеробе. В вестибюле я увидел только старика-портье – причем без характерных черт этого, как я его окрестил, «иннсмутского экстерьера», – но решил не

задавать ему лишних вопросов, памятуя о замеченных в этой гостинице странностях. Вместо того я вышел на площадь и, увидев, что автобус уже уехал, оглядел окрестности оценивающим взглядом.

С одной стороны вымощенная булыжником площадь граничила с рекой, а с другой была окаймлена полукругом кирпичных зданий начала девятнадцатого века, с высокими двускатными крышами; от площади лучами разбегались улицы – на юг, юго-восток и юго-запад. Уличных фонарей явно не доставало, и все они были оснащены маломощными лампами накаливания, так что я лишний раз порадовался своему решению покинуть этот город еще до наступления темноты, – хотя, насколько я знал, сегодня ночь обещала быть ясной и лунной. Все здания были в сносном состоянии, и я заметил не меньше дюжины работающих заведений – в их числе сетевую бакалею «Ферст нэшнл», дешевую столовую, аптеку и контору по оптовой торговле рыбой. Далеко в восточной части площади, у самой реки, зазывала приоткрытыми дверями контора единственного промышленного предприятия в городе – аффинажной компании Марша. На глаза мне попались человек семь горожан, и я насчитал четыре или пять легковых автомобилей и грузовиков, стоявших без движения в разных углах площади. Судя по всему, это и был центр деловой и общественной жизни Иннсмута. Посмотрев на восток, на горизонте я заметил водную гладь гавани, на фоне которой высились развалины некогда красивых георгианских башен. Ближе ко взморью, на противоположном берегу реки, виднелась белая колокольня над зданием – как можно было догадаться, над аффинажным заводом Марша.

Сам не знаю, почему я решил начать расспросы в сетевой бакалее, чьи сотрудники вряд ли были родом из Иннсмута. Я быстро нашел старшего – юношу лет семнадцати – и, к своей радости, отметил его сообразительность и учтивость. Казалось, малый был не прочь поболтать, и очень скоро я выведал, что в городе ему все не нравится: и рыбный смрад, и нелюдимые жители. Его явно радовала возможность перекинуться парой слов с приезжим. Он был родом из Аркхема, а здесь снимал квартиру у семьи, переехавшей из Ипсвича, и в каждый выходной, если выпадала такая возможность, сразу же возвращался к родителям. Те не одобряли его работу в Иннсмуте, но сюда его назначило руководство торговой сети, и ему не хотелось потерять место.

В Иннсмуте, по словам юноши, не сыскать ни публичной библиотеки, ни торговой палаты; но зато здесь трудно заблудиться. Улица, по которой я шел от гостиницы, называлась Федерал-стрит, к западу от нее пролегали благополучные кварталы на Брод, Вашингтон, Лафайет и Адамс-стрит, а к востоку – приморские трущобы. Именно в этих трущобах – вдоль Мейн-стрит – я смогу найти старинные георгианские церкви, но они давно уже заброшены. Было бы разумно не привлекать внимания тамошних обитателей – особенно в районах к северу от реки, где люд живет крайне неприветливый. Бывало, и не раз, что приезжие там бесследно исчезали.

Некоторые места в городе считались чуть ли не запретной территорией – это он узнал на своей шкуре. Не стоит, к примеру, долго задерживаться около аффинажного завода Марша или возле действующих церквей либо бродить вокруг храма Ордена Дагона на площади Нью-Черч-Грин. Местные церкви отличались странностями; от них решительно отреклись все единоверцы из прочих мест, потому что там явно практиковали очень уж странные обряды, а их священники носили очень уж дикий облачения. Их вера явно была основана на ереси и тайных культах, которые включали элементы неких чудесных превращений, способствующих распространению на нашей земле телесной распущенности. Духовник моего собеседника – доктор Уоллес из Методистской евангелической церкви Эсбери в Аркхеме – настоятельно рекомендовал ему держаться подальше от городских храмов.

Что же до самих обитателей Иннсмута, то юноша не мог сказать о них ничего определенного. Они отличались чрезвычайной скрытностью и крайне редко показывались на свет –

точно лесные звери, обитающие в земляных норах. Невозможно было представить, как они вообще проводят свои дни, помимо рыбалки, которой занимались от случая к случаю. Возможно (если судить по количеству потребляемого ими нелегального спиртного), они целыми днями пребывали в алкогольном отупении. Их всех объединяли прочные узы угрюмого братства или тайного знания и некая ненависть к внешнему миру, точно у них имелся доступ к каким-то иным, более предпочтительным для них сферам бытия. У многих из них была пугающая внешность – особенно немигающие выпученные глаза, – а уж их голоса могли повергнуть в дрожь неподготовленного человека. От их обрядовых песен, доносившихся по ночам из храмов, пробирал мороз по коже – особенно во время их главных праздников или всеобщих бдений, отмечавшихся дважды в год, 30 апреля и 31 октября.

Они обожали воду и много плавали в реке и в гавани. Часто устраивали заплывы на скорость к Рифу Дьявола, и в такие дни все, кто был физически крепок, выползали на свет божий и принимали участие в состязании. Правда, если подумать, на глаза в этом городе попадались лишь относительно молодые люди, причем у тех, кто сильно постарше, почти у всех без исключения, на лицах проявлялись признаки какого-то дефекта или уродства. А если исключения и встречались, то это были люди вообще без каких-либо признаков физических отклонений – вроде старика портье в гостинице, – и оставалось лишь гадать, куда подевались представители старого поколения горожан и не был ли «иннсмутский экстерьер» признаком неведомой и медленно прогрессирующей болезни, которая с годами внешне проявлялась все сильнее. Ведь только крайне редкое заболевание могло бы вызвать у человека в зрелом возрасте глубокие деформации костной структуры – к примеру, изменение строения черепа. Было бы сложно, заметил юноша, сделать какой-то определенный вывод относительно этого феномена, потому как никто еще не заводил близкого знакомства с местными жителями, даже прожив в Иннсмуте довольно долго.

Юноша был уверен, что наиболее уродливых особей держали дома под замком. В некоторых районах города подчас слышали очень необычные звуки, доносившиеся из-за стен. По слухам, припортовые лачужки к северу от реки соединялись сетью тайных туннелей, образуя самый настоящий лабиринт под землей; возможно, он кишел невыразимыми уродами. Трудно сказать, какие чужие крови – если это и впрямь чужие крови – смешались в этих существах. Самых отвратных субъектов часто упрятывали подальше, когда в город являлись чиновники или приезжие издалека.

Совершенно бесполезно, уверил меня собеседник, расспрашивать местных об этом городе. Только один согласился бы на такой разговор: очень древний, но с виду вполне нормальный старик, что жил в ночлежке на северной окраине города и целыми днями околачивался возле пожарной части. У убеленного сединами дедули по имени Зидок Аллен, которому девяносто шесть лет от роду, явно были не все дома, и еще он был известный на весь город пропойца. Это был чудаковатый, очень недоверчивый человек, который вечно оглядывался через плечо, точно боялся чего-то. Когда он бывал трезв, ничто не могло заставить его вступить в беседу с незнакомцем, однако если предложить ему порцию его излюбленной отравы, он был не в силах устоять перед искушением и, напившись, мог нашептывать на ухо невольному слушателю свои самые сокровенные воспоминания, от которых просто волосы вставали дыбом. Впрочем, из него можно было выудить лишь крохи полезной информации, так как все его рассказы сводились к бредовым и очень уклончивым намекам на какие-то невероятные чудеса и ужасы, которые, скорее всего, существовали исключительно в его пьяных фантазиях. И хоть никто ему не верил, местные страшно не любили, когда он, напившись, пускался в беседы с приезжими; более того: если незнакомца замечали беседующим с ним, это могло иметь самые печальные последствия. Вероятнее всего, от этого забулдыги и пошли самые невероятные слухи и предрассудки, связанные с Иннсмутом. Кое-кто из горожан-переселенцев время от времени заявлял, будто видел каких-то чудовищ, но чему ж тут удивляться, коли все

были наслышаны про байки старого Зидока, вдобавок всем было известно, что некоторые обитатели города действительно страдали от каких-то физических уродств. Никто из этих переселенцев не выходил из дому по ночам: ведь, как говорили втихомолку, очень неразумно появляться на улице в поздний час. К тому же ночью Иннсмут всегда был погружен в кромешную тьму.

Что же до бизнеса, то изобилие рыбы в здешних водах – факт почти необъяснимый, но горожане все реже стали пользоваться этим благом к своей выгоде. К тому же и цены сильно упали, и конкуренция выросла. По словам юноши, в городе остался единственный настоящий бизнес – аффинажный завод, чья контора располагалась на площади всего в нескольких шагах к востоку от бакалейного магазина, где мы вели нашу беседу. Старик Марш никогда не показывался людям на глаза, но изредка видели, как он направляется на свой завод в автомобиле с плотно занавешенными окнами.

Ходило множество разных слухов о нынешней внешности Марша. Некогда он слыл большим модником, и люди говорили, что он до сих пор щеголяет в роскошном сюртуке, скроенном по эдуардовской моде¹⁷, теперь специально подогнанном под его скрюченную фигуру. Один из его сыновей еще до недавней поры трудился управляющим в конторе на площади, но старик Марш, скрывающий свои дела от посторонних глаз, переложил основное бремя забот на более молодое поколение клана. Сыновья и дочери Марша в последнее время стали выглядеть очень странно, особенно старшие. Говаривали, что их здоровье нешуточно пошатнулось.

Одна из дочерей Марша – пучеглазая женщина с отталкивающим большим ртом – любила обвешиваться диковинными украшениями, изготовленными в такой же дикарской традиции, что и странная тиара. Мой собеседник видел эту тиару много раз и слышал, будто бы ее нашли в тайной сокровищнице, принадлежавшей то ли пиратам, то ли язычникам. Здешние клирики – или священники, или как их там называли – носили головные уборы наподобие этой тиары. Но этих мало кто встречал лично. Никаких других представителей местного населения юноша не видел, хотя, по слухам, их в Иннсмуте тьма-тьмушая, и все они – самого экзотического вида и нрава.

Марши, как и три другие благородные семьи города – Уэйтсы, Гильманы и Элиоты, – были очень нелюдими. Они проживали в огромных особняках на Вашингтон-стрит, и кое-кто из них, как говаривали, держал взаперти некоторых своих родичей, чья внешность не позволяла выставлять их на всеобщее обозрение; однако, когда те умирали, их смерть всегда предавалась огласке и должным образом регистрировалась.

Предупредив, что таблички с названиями улиц во многих местах отсутствуют, юноша не счел за труд набросать для меня большую и достаточно проработанную карту города, обозначив на ней основные достопримечательности. Бегло изучив карту, я убедился, что она послужит мне немалым подспорьем. Сложив подарок и спрятав в карман, я рассыпался в искренних благодарностях. Поскольку единственная попавшаяся мне на глаза закусочная не внушала доверия по причине своей крайней обшарпанности, я купил в бакалее изрядный запас сырных крекеров и имбирного печенья, чтобы потом ими пообедать. Мысленно я составил себе такую программу: обойти главные улицы, побеседовать по дороге со всеми недавно поселившимися в городе людьми и успеть на восьмичасовой автобус до Аркхема. Город, как я уже успел заметить, являл собой живописный и более чем убедительный образец социальной деградации; не имея интереса к социологии, я решил ограничиться изучением памятников архитектуры.

Итак, я отправился в поход по узким улицам подернутого мглой тайны Иннсмута. Перейдя через мост и свернув на шум нижнего водопада, я миновал аффинажный завод Марша, откуда, к моему немалому удивлению, не исходило типичных для промышленного предприятия звуков. Здание стояло на крутом утесе над рекой у моста, близ площади, на кото-

¹⁷ Мода первого десятилетия XX века, периода царствования британского короля Эдуарда VII.

рую выбегало несколько улиц; я решил, что на этой площади некогда располагался городской центр, который после Революции переместился на нынешнюю Таун-сквер.

Вернувшись обратно, я перешел через реку по мосту Мейн-стрит и попал в район полнейшего запустения, от вида которого невольно содрогнулся. Провалившиеся кровли двускатных крыш смотрелись неровным фантастическим силуэтом на фоне неба, над которым уродливо высился обезглавленный шпиль старинной церкви. Лишь некоторые из домов на Мейн-стрит были заселены, большинство же оказались наглухо забиты досками. Заглядывая в немощеные переулки, я видел зияющие черные провалы окон в брошенных домишках, многие из которых покосились так сильно, что вот-вот грозили сверзнуться с просевших фундаментов. Эти призрачные окна походили на пустые глазницы рыбьих голов, и мне пришлось набраться смелости, чтобы все же свернуть на восток и направиться мимо них в портовую часть города. Мой ужас при виде заброшенных домов рос скорее в геометрической, чем арифметической прогрессии, ибо количество домов-призраков оказалось столь велико, что эта часть города выглядела полностью вымершей. Зрелище бесконечных рядов рыбьеглазых домов, олицетворявших запустение и смерть, как и общее впечатление от длинной вереницы черных мрачных жилищ, пребывающих во власти пауков, смутных воспоминаний и победительных червей, пробуждало похороненные в глубинах моей души страхи и предубеждения, которых не могли развеять даже самые трезвые философские доводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.